АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Оберег Святого Лазаря более двух тысяч лет назад принадлежал тому, кто был воскрешен из мертвых. Сегодня, чтобы завладеть им, неизвестные и невероятно могущественные силы не пожалеют десятки человеческих жизней…

Ольга ТАРАСЕВИЧ

Оберег Святого Лазаря

ЭКСМО

Артефакт & Детектив

Ольга Тарасевич

Оберег Святого Лазаря

«Эксмо»
2012

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Тарасевич О. И.

Оберег Святого Лазаря / О. И. Тарасевич — «Эксмо», 2012 — (Артефакт & Детектив)

Судебному медику Наталии Писаренко к трупам не привыкать. Но меньше всего она рассчитывала, что ее профессиональные навыки потребуются в «Останкино», на съемках проекта с участием людей с паранормальными способностями «Ясновидящие». Очень скоро Наталия понимает: смерть женщины-экстрасенса была далеко не случайной. Вероятно, трагедия даже не связана с самой программой. Все участники проекта не упускают возможности напакостить друг другу. Однако за телевизионными разборками скрывается кое-что более важное и опасное. Один из участников «Ясновидящих» обладает необыкновенно мощным артефактом – оберегом Святого Лазаря, тем самым, который более двух тысяч лет назад защищал близкого друга Иисуса Христа, воскрешенного из мертвых. Амулет исчезает, но это только начало неприятностей. Воскрешение с того света для Наталии Писаренко теперь становится очень актуальным явлением, ведь найти путь из страны мертвых нужно уже ей самой – на Наталию навели смертельную порчу…

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Тарасевич О. И., 2012
© Эксмо, 2012

Содержание

Пролог 6
Глава 1 13
Глава 2 24
Глава 3 38
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Ольга Тарасевич
Оберег Святого Лазаря

© Тарасевич О. И., 2012
© «Издательство «Эксмо», 2012

* * *

Все события и персонажи выдуманы автором. Любые совпадения случайны и непреднамеренны.

Пролог

Кипр, Ларнака. За 6 месяцев до съемок проекта «Ясновидящие»

Let's get some food, honey. I don't want you to die from starvation[1].

– Я не хочу есть, – пробормотала Саша, поднимая голову от груди собаки.

Овчарка слабо застонала, и это заставило девушку сразу же забыть о стоящей перед ней плохо говорящей по-английски горничной.

Если Ральф стонет – значит, он все еще жив!

Сердце собаки бьется еле-еле, дыхание медленное. Кажется, силы буквально на глазах покидают бедного песика. Он, обычно молотящий по полу хвостом при приближении хозяйки, уже даже не может вильнуть своей пушистой метелочкой. Местный ветеринар, пытавшийся две недели вытащить Ральфа с того света, сдался и посоветовал усыпить животное. Он уверял: «Возраст, ничего не поделаешь. Счет идет уже не на дни, на часы».

Тем не менее, собака жива. Она даже постанывает. Конечно, вряд ли стон можно считать признаком выздоровления. Но как же все-таки хочется, чтобы Ральф выкарабкался!

Только бы врач ошибся! Ведь они же бывают – врачебные ошибки…

– Ральфик, любимый, не оставляй меня, – Саша снова примостилась на подстилке рядом с недвигающимся телом. – Я тебя очень-очень люблю. Тебя мне подарила мамочка. Мама ушла, и ты уходишь, и я этого не вынесу, не вынесу. Живи, собачка моя, живи, пожалуйста!

– Just dog… You will kill yourself![2] *– воскликнула горничная, поправляя темно-синее форменное платье.*

В ее карих глазах читалось явное недоумение.

Горничная стояла довольно далеко. Однако Саше казалось, что она буквально слышит все ее мысли; слышит так явственно, как будто они звучали вслух, причем по-русски.

«Так переживать из-за какой-то собаки?! Находясь здесь, в Ларнаке, на роскошной вилле? Да ведь тут все к услугам молодой хозяйки! Если бы я так жила – уж я бы не грустила! Кстати, русская девчонка ведь прехорошенькая – с длинными русыми волосами, огромными голубыми глазами. Правда, в них столько грусти – и это в двадцать-то лет!»

Горничная была совершенно права.

Огромный роскошный особняк, утопающий в тени прибрежных пальм, отделан со вкусом. Этот дом и прежде не могли назвать аскетично оформленным, однако отец Саши после покупки виллы пригласил дизайнера из Италии, превратившего дом в настоящий дворец. Теперь здесь возле мраморных колонн и арок журчат фонтаны, античные скульптуры отражаются в венецианских зеркалах, старинная дорогая мебель, кажется, одним своим видом успокаивает и помогает забыть о городской суете. У причала на собственном пляже пришвартована яхта. Стоит только Саше сказать слово – и ее умчат в морскую даль, бирюзово-синюю, с легкой белой пеной колышущихся волн. Впрочем, девушка не пользуется яхтой, как и не проявляет никакого интереса к дорогому красному спортивному автомобилю, купленному специально для нее. Она не ходит в магазины, не сидит в многочисленных кафешках на набережной. Даже пока собака не заболела, Саша из дома выходила разве что для того, чтобы посетить службу в церкви. Теперь же, когда Ральф слег, она вообще круглыми сутками сидит рядом с псом, спит возле его подстилки.

«Подумаешь – какая-то собака! У Саши есть все для радости и счастья. Да стоит ей только захотеть – у нее появится дюжина щенков, куда лучше дряхлого старого пса. Что ж,

---

[1] Поешь чего-нибудь, дорогая! Не хочу, чтобы ты умерла от голода *(англ.)*.

[2] Просто собака… Ты угробишь себя (*англ.*).

если она предпочитает лить слезы – это ее дело. Хорошо, что, по крайней мере, другие хозяева виллы – не такие зануды!»

Недоуменно хмыкнув, горничная удалилась, унося с собой свои звонкие глупые мысли.

Тишину гостиной теперь нарушало разве что едва слышное дыхание собаки.

Саша машинально проводила взглядом точеную фигурку служанки с сексуальными бедрами и тоненькой талией и снова грустно зашептала:

– Мой хороший Ральфик, моя собачечка… Я тебя не покину, я все время буду рядом с тобой. И тогда ты не умрешь. Я буду передавать тебе силы, и ты поправишься, окрепнешь. Иначе…

Она закусила губу, из глаз полились слезы.

Не думать про иначе.

Не позволять себе скатываться в бездну отчаяния.

Не позволять.

Не… не получается ничего. Потому что вот падение уже началось, несмотря на все попытки удержаться на краю пропасти. И это значит лишь одно: будет больно…

Люди видят только внешние картинки. Судя по кадрам этого фильма – да, для счастливой жизни есть все: молодость, красота, достаток. Но ведь это ошибочное впечатление. Похожая на рай вилла – на самом деле все круги ада, вместе взятые.

– Нет, нет! – пробормотала Саша, пытаясь прогнать возникающий в сознании образ отца. – Не хочу про него думать!

…Когда-то папа был целым миром.

Добрым улыбающимся великаном, щедрым волшебником.

– Это тебе, моя принцесса, – говорил он, протягивая куклу.

Мамочка притворно хмурила брови:

– Витя, ты разбалуешь дочь!

А он смеялся, подхватывал на руки; и синее солнечное небо вдруг то приближалось, то отдалялось; и ветерок, поднимая платье к самой голове, щекотал колени.

Мама беспокоилась:

– Ты слишком высоко ее подбрасываешь! Не приведи господь, уронишь!

Впрочем, еще до школы стало понятно: с семьей что-то не в порядке, отношения между родителями совсем не такие, как у родителей соседских ребятишек.

«А почему папа Васи живет с мамой Васи и Васей, а наш только в гости к нам приходит?» – интересовалась Саша, недоуменно округляя глаза.

Мама отводит взгляд:

«Наш папа много работает, ему надо отдыхать».

«Но почему он не может спать у нас дома? Обещаю, не буду просить, чтобы он играл со мной!»

Отвлечь ребенка от болезненных вопросов несложно.

Но потом, когда он все-таки становится немного старше, мучительная правда, как тяжелые грозовые тучи, заслоняет свет. Не вырваться из этой темноты…

«Итак, у моего папы несколько жен. Его дети от других женщин и я – все мы ходим в одну и ту же школу, это лучшая частная школа в Москве. Мои одноклассницы мне завидуют – из-за тряпок, игрушек, путешествий. Отец – состоятельный человек, он хорошо нас обеспечивает. Но я откуда-то точно знаю: как бы сильно ни восхищались девочки моими платьями и сапожками, все это не является самым главным, – думает Саша, раздраженно наблюдая за мамой. В последнее время настроение у той отвратительное, она может весь день провести в постели, вставая только затем, чтобы достать из бара очередную бутылку коньяка. – Большинство мужчин живут с одной женой. Но наш отец очень богат, поэтому он может себе позволить все, что заблагорассудится. Он покупает людей точно так же,

как вещи. Ему все равно, что моя мама страдает, что мне тоже очень больно… Как-то к маме приходила подруга, и я подслушала, о чем они разговаривают. «По крайней мере, он вас содержит. А мой муж как поступил?! Сделал мне ребенка, ушел в запой, потерял работу. Сейчас я и за маму, и за папу вынуждена выкладываться, и деньги зарабатывать, и по дому все делать. Одной ребенка тяжело поднимать», – жаловалась мамина подруга. «Я всей душой тебе сочувствую. Я понимаю, бывают ситуации и похуже нашей, – плакала мама. – Но ты пойми, от того, что кому-то еще хуже, мне лично легче не становится. Я ведь люблю его… Витя ничего не говорил мне о других женщинах, не предупреждал, что есть другие дети. Я хотела простого тихого счастья, как у всех, – семья, муж, дети. А что получилось?! Какой-то вертеп… Причем дернешься из этого гарема – потеряешь ребенка, Витя угрожает, что если в моей жизни появятся другие мужчины, то он заберет Сашку. Но я не представляю себя с другим мужчиной, я настолько люблю его…»

От таких мыслей ни спрятаться, ни отвлечься невозможно.

Девочки смеются над новым мультиком, обсуждают мальчишек – однако все это воспринимается заоблачно далеким и недоступным.

Кажется, никогда не получится так беззаботно хихикать. Ведь все вокруг знают: у Саши Ремизовой отец – как султан, наводил себе много женщин, много детей.

Саша – не как все, ей не повезло, она изгой.

У всех папы как папы, а у Саши – какой-то рабовладелец…

Глухое постоянное отчаяние мешало жить, давило, отравляло все вокруг…

И чем взрослее становилась Саша – тем сильнее мучила боль.

Если бы только родители были официально разведены, как у многих одноклассников!

Но ведь ни у кого в целой школе не имелось такой странной семьи!

Легче становилось, только когда она оскорбляла маму…

– Ты что, не могла мне отца нормального найти? Я не хочу быть в этой золотой клетке! Это не жизнь! Зачем ты вообще меня рожала?

Злые обидные фразы выскальзывают прямо из глубины души. Выпускаешь шипящих змей – и приходит облегчение.

Мама тоже срывается на крик:

– Что ты знаешь о жизни?! Соплячка! Одета, накормлена, каждое лето на море ездишь – так скажи спасибо. Как бы отец себя ни вел со мной, тебе его упрекнуть не в чем!

После таких разговоров мама всегда, рыдая, пьет коньяк.

Так ей и надо!

А может, это вообще она во всем виновата?! Ведь если бы она была иной – возможно, тогда отец не стал бы интересоваться другими женщинами?!

– Ты ошибаешься… Ты ведешь себя неправильно… Услышав после одной из ссор с матерью голос бабушки, Саша похолодела.

Бабуля умерла полгода назад.

Умерла как-то неожиданно, во сне, ничем не хворая. Отец, узнав печальную новость, сразу же прислал своего секретаря. Симпатичная девушка легко и незаметно решила все организационные вопросы. Холмик земли, появившийся на кладбище, казался чем-то странным, нелепым, не имеющим к всегда такой улыбчивой бабушке никакого отношения.

Саша помотала головой и прошептала:

– Бабуля, а почему я тебя слышу? Ты же умерла…

– Смерти нет, девочка моя. Просто потом, когда земной путь заканчивается, душа человека уходит к Богу.

– Но ты не ушла? Почему?

– Не ушла, потому что я буду охранять вас с мамой. Ты маму не обижай. Ей очень тяжело, и она в опасности. Чем ругаться, сходи лучше в церковь, помолись, попроси у Бога прощения и защиты…

Саша слушала мягкий бабушкин голос, и по ее щекам лились слезы.

Бабуля сто раз права: она вела себя с мамой просто отвратительно! Нельзя было ее упрекать, нельзя было говорить таких обидных слов. Маме и так одиноко, она страдает. А тут еще дочь, родная кровиночка, вместо поддержки только мучения доставляет!

После того дня все изменилось.

Куда-то исчезла разрывавшая Сашино сердце боль. И вдруг теплым летним ливнем хлынуло пьянящее солнечное счастье.

Как же все-таки прекрасна жизнь! В ней столько красоты, столько интересного, столько возможностей!

Обиды закрывают душу черными плотными непроницаемыми шторами. И темные силы начинают оплетать человека коконом, нашептывая: «Все плохо, ничего не изменишь, зачем прилагать усилия?..»

Но Бог не бросает в беде ни одного человечка, ни единой заблудшей овечки. Он протягивает руку помощи. Надо просто взяться за нее и выйти к свету. Рядом со светом и любовью все меняется. Не может не измениться…

На мамином лице теперь – постоянно улыбка.

– Сашка, а я уже боялась, твой переходный возраст никогда не закончится. Доченька моя, я так тебя люблю. И папа нас тоже по-своему любит, – объясняет мама, обнимая Сашу. – Просто он – особенный человек, у него много энергии, много сил. Он придумал бизнес, который дал работу тысячам людей. И он говорит, что не может оставаться долго с одной женщиной… Но он заботится о своих детях, он общается и с тобой, и с твоими братьями и сестрами. Какой бы напряженный у него ни был график, ваше здоровье и ваши проблемы для него – на первом месте. Ты не переживай, что у нас такая особенная семья. Это, наоборот, даже хорошо. Совсем не обязательно быть похожей на кого-то. Но очень важно найти свой путь, свое предназначение. Ты напрасно обижаешься на отца.

Саша опускает голову мамочке на плечо и тоже улыбается:

– Я понимаю, мам. Все-таки он – мой папа, и если бы вы не встретились, я бы вообще не родилась. Какая же я была дурочка, когда думала, что хочу умереть.

– И я так думала иногда, – мама кивает головой. – Тоже дурочка.

– Мама… а ко мне… ты только не удивляйся. – Саша на минуту затаивает дыхание, а потом решительно выдыхает: – Ко мне бабушка приходит. Часто. Я с ней разговариваю, как с живой.

На мамином лице застывает недоумение:

– Знаешь, твой отец мне рассказывал что-то подобное. Однажды он признался, что рядом с ним постоянно находится его покойный отец – помогает ему принимать решения, предупреждает об опасности… Но я подумала, что Витя просто фантазирует. Наверное, тебе передались его способности.

Саша пожала плечами:

– Не знаю, мам. Я просто слышу бабушкин голос.

– И видишь ее?

– Не вижу. Но чувствую, что она рядом.

– С ума сойти можно! У меня аж мурашки по спине побежали. Ну, скажи тогда, что я ее люблю, скучаю по ней.

– Она знает. И еще она говорит, ты в опасности. И мы обе понимаем, о чем идет речь.

Мама, резко встав с дивана, рассерженно нахмурилась:

– Не надо тут ничего придумывать! У меня нет никаких проблем с алкоголем. Все иногда выпивают рюмочку-другую!

Саша сглотнула подступивший к горлу комок.

Неужели мама не видит, что она выпивает в день уже больше половины бутылки коньяка, иногда и целую бутылку! Отец, приходя в гости, брезгливо отворачивается, не позволяет маме даже поцеловать себя в щеку.

Впрочем, мама все-таки периодически пыталась взять себя в руки. Во время одного из таких светлых периодов дома и появился Ральф, с хулиганским взглядом, толстыми лапами и мягкой шерсткой на круглом щенячьем животике.

– Это собака-троглодит! Ты зачем пульт от телевизора слопал? Знала бы, что ты такой противный, – никогда тебя не купила бы! – возмущалась мама.

С Ральфом действительно пришлось нелегко. Он сожрал в квартире все – обои, двери, паркет, погрыз углы шкафов, столы и стулья.

Когда он перестал уничтожать мебель – начались болезни, потом собаку уже надо было водить по выставкам. Ральф очень быстро собрал много престижных наград и заинтересовал потенциальных невест как производитель потомства.

Содержать крупную породистую собаку – большой труд. И эти многочисленные хлопоты постепенно свели на нет мамино пристрастие к спиртному.

Она вообще не употребляла алкоголь уже несколько лет, бросила курить, стала регулярно ходить в спортзал.

Что произошло в тот день между ней и отцом? Каких обидных слов они наговорили друг другу?

Опустевшая бутылка коньяка, возможно, была свидетелем ссоры. Но только это – безмолвный свидетель…

Вернувшись в тот день из школы, Саша удивилась. Мамы нет дома, Ральф нервно поскуливает, намекая на то, что хочет в туалет, да еще и эта пустая бутылка и два бокала на столике.

«Только бы мама опять не взялась за старое, – с тревогой думала Саша, пристегивая к ошейнику поводок. – Надо с ней серьезно поговорить, и…»

– Крепись, солнышко, – вдруг раздался бабушкин голос.

Ральф протяжно завыл, а Саша…

Она уже почему-то отчетливо знала: вон те люди у подъезда столпились возле тела мамочки. А мамочка не живая больше. Она бежала, рядом проносились машины; вдруг – истошный скрип тормозов, удар, вспышка боли. И чернота.

«Бред какой-то!» – Саша покрутила головой, пытаясь избавиться от навязчивых видений. И решила, что ни за что к тем людям подходить не будет. Мало ли чего они там собрались. А у нее – овчарка (на поводке, но без намордника), и кто-нибудь обязательно начнет по этому поводу возмущаться, и…

– А вон и дочь ее! Бедная девочка! – истошно закричала женщина. – Горе-то какое, соседку прямо на моих глазах машина сбила!

Все стало как в тумане.

Воспоминания разорвались на мелкие смутные клочки: милиционер, похороны, мрачный отец, какие-то его лживые объяснения.

Происходящие события практически не осознаются.

Есть только боль, весь мир становится вечной болью. Горят выплаканные глаза, не хватает воздуха, и сотрясающий тело ледяной озноб, кажется, никогда не закончится. А если вдруг возникают желания – то только уйти, в смерть или безумие; да куда угодно, лишь бы забыться.

– Дочка, так нельзя. У тебя вся жизнь впереди.

Когда в сознании вдруг зазвучал мамин голос, Саше сразу стало легче. Как будто бы в ее изнемогшей душе и истерзанном теле включили свет.

– Мамочка, родненькая. Что он наговорил тебе? Это из-за него ты бросилась под машину?

Саша засыпала маму вопросами, но обо всем произошедшем та говорить отказалась. Сказала только:

– Еще не время, когда я посчитаю нужным – ты все узнаешь.

Спорить с мамочкой не хотелось.

Присутствие рядом ее и бабушки – это было таким невообразимым счастьем, чудом, самым бесценным подарком.

Это ничего, что отец увез из Москвы на Кипр; что даже школьных подружек нет рядом.

Ведь мама и бабушка все время близко, с ними можно разговаривать – и это все меняет.

Если бы только еще и Ральф не болел…

Ведь эта собака – единственное, что осталось от мамы. Мама выбрала его смешным толстолапым щенком, она так любила его, возилась с ним, выставляла, водила к кинологу…

– …Ральф, поправляйся. Ты здоров, здоров мой песик, – прошептала Саша и вздрогнула.

Дыхание собаки прервалось.

А сердце – она запустила пальцы в длинную шерсть – и сердце больше не бьется.

Ральф умер?

Нет!

Нет!

НЕТ!!!

Она вскочила на ноги, заметалась по комнате.

Телефон, ветеринар – скорее – срочно делать хоть что-нибудь, ведь Ральфик не может, не должен умереть!

– Саша, тебе надо пойти в «музей». И взять там оберег с мраморными рыбками! Это уникальная вещь. Она поможет Ральфу вернуться.

Девушка машинально переспросила у бабушки:

– Оберег? Что это?

Переспросила вслух, а не мысленно, как обычно.

– Такое мраморное неприметное ожерелье. Ты найдешь его на стеклянной полочке с мелкими предметами.

Завертев головой, Саша махнула рукой зазвучавшему в сознании бабушкиному голосу:

– Бабуля, потом. Ральфик умер! Мне надо связаться с ветеринаром, может, он что-нибудь вколет собаке для стимулирования сердечной деятельности! Господи, я совсем ничего не соображаю! Где телефон?! Бабуля, подскажи, куда я мобильник свой засунула?

– Ты не хочешь спасти Ральфа! – с горечью произнесла бабушка. – Ты сейчас не в себе и просто не понимаешь, что на самом деле я хочу помочь!

Не теряя времени на мысли-ответы, Саша со всех ног полетела в «музей» – так отец называл особую комнату на вилле, битком набитую антиквариатом.

Да ради Ральфика она готова горы свернуть!

Если бабушка распорядилась принести мраморное ожерелье – значит, его надо отыскать во что бы то ни стало.

Бабулечка просто так никогда ничего не говорит.

Сколько раз уже пришлось убеждаться – ее советы всегда помогают избежать неприятностей…

Бабушка опять оказалась права: найти ожерелье не составило никакого труда.

Бело-розоватое, оно находилось в стеклянной витрине рядом с намного более яркими предметами – золотым портсигаром, отделанным изумрудами, и потемневшим серебристым ножом для разрезания страниц.

«Даже странно, что отец купил такую неброскую вещь для своей коллекции. Должно быть, это ожерелье – старинное и дорогое, – подумала Саша. Отключив сигнализацию, она осторожно открыла дверцу из защитного стекла. – Отец всегда выбирает только самые дорогие и редкие вещи, и…»

Изумленная, она замерла.

Стоило только коснуться мраморных камешков – и на душе стало так спокойно, как бывало разве что до горькой разлуки с бабушкой и мамой, до потери Ральфика, который всегда чувствовал печали хозяйки, утыкался в колени острой мордочкой…

Улыбаясь непонятно чему, не ощущая своего тела, Саша вернулась к остывающей собаке.

Словно ведомая какой-то силой, неотвратимой, мощной и полной любви, она упала на колени и, сжимая в руках ожерелье с мраморными рыбками, зашептала молитву.

Глаза Саши закрылись, по щекам потекли слезы.

Девушка всеми фибрами своей души невероятно ярко чувствовала: жизнь – это огромное счастье, и любовь Бога ко всем его созданиям безмерна. Для любви этой нет никакой разницы: о человеке речь идет или о самой маленькой травинке. Только с человека, созданного по образу и подобию Божьему, спрос, конечно, выше.

Господь любит нас.

Он любит этот мир и заботится о нем!

– Пусть моя собачечка будет живой. Пусть мой Ральф вернется ко мне. Боже, смилуйся над нами, пожалуйста, и…

Она вдруг умолкла. И замерла. Потому что почувствовала, как теплый шершавый язык облизывает ее залитые слезами щеки.

Осторожно, дрожа всем телом, Саша приоткрыла глаза.

И последним, что она увидела перед обмороком, была довольная веселая морда восхитительно живого Ральфа…

Глава 1

Около 30 года нашей эры, Вифания, Лазарь[3]

Скоро весна.

Уже солнце смачивает лоб едким потом; уже хочется сбросить не только симлу[4], но и кеттонет[5]. В голубом небе нет ни облачка. Скрыться бы сейчас в тени, отдохнуть в живительной прохладе. Вот только…

– Лазарь! Лазарь, будь внимательнее!

Тонкий голосок Марии врывается в мысли Лазаря, разгоняет их, как стремительный ветер.

Юноша смотрит на кусты винограда и чувствует, как к щекам приливает кровь.

Сестра совершенно права: задумавшись, он оставил множество побегов, которые надо удалить. Если позволить кусту растить все его многочисленные тонкие веточки – хорошего урожая не видать.

Виноградник, доставшийся в наследство от отца, старейшины Вифании, огромен. А есть еще и оливковая роща, и там тоже приходится работать.

«Впрочем, нет, дело не в том, что с утра до поздней ночи я с сестрами пропадаю то на винограднике, то в саду, – обламывая молодые светло-зеленые веточки, думает Лазарь. – Я хотел бы работать и еще тяжелее, и еще больше. Просто не таких занятий просит душа моя. Виноград, оливки – это мирское, земное дело, а я хотел бы отдать себя служению Богу. Хотел бы вместе с Учителем ходить по разным городам, проповедовать новое учение, нести людям свет слова Божьего. Хотел бы тоже стать апостолом…»

Лазарь коснулся висящего на груди оберега с тремя рыбками[6] и улыбнулся.

«Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит хлеба, подал бы ему камень? И когда попросит рыбы, подал бы ему змею?» – спрашивал Иисус у жителей Вифании. Те переговаривались друг с другом, шептались – но вслух сказать никто ничего не решился. А меж тем значение у этой притчи очень простое. Бог, Отец наш Небесный, все дает нам: и пищу, и веру. Обман, змея – это от Диавола…

«Этот оберег с рыбками подарил мне сам Иисус, – Лазарь снова дотронулся до чуть прохладных камней. – Может, поэтому мне так спокойно становится, когда я прикасаюсь к нему… Конечно, я очень бы хотел оставить дом и всегда быть рядом с Учителем. Вот только сестры… Родители наши умерли, я теперь – единственный мужчина в семье. И, хоть Марфа и Мария старше меня, я должен заботиться о них. Учитель, как мне кажется, понимает без слов все эти мои стремления. И я чувствую, что он одобряет такое мое решение – не оставлять Марфу и Марию».

Лазарь обернулся, посмотрел на сестер, работавших в соседнем ряду, и улыбнулся.

Они такие разные! Марфа, самая старшая из них троих, отличается яркой красотой. Ее волосы, убранные теперь под покрывало, чернее самой темной ночи. А глаза – темно-синие,

---

[3] Воскрешение Лазаря, о котором пойдет речь, считается последним чудом Иисуса Христа, совершенным незадолго до распятия. Христос был распят в возрасте 33 лет. Однако, по мнению историков, рождение Иисуса не совпадает с началом новой эры в христианском летоисчислении и произошло оно до 4 года до н. э.; в некоторых источниках – до 1 года до н. э., даты смерти Ирода.

[4] Плащ у иудеев.

[5] Рубашка-туника, нижняя мужская иудейская одежда.

[6] Первые христиане носили на шее каменных, глиняных или перламутровых рыбок, прообраз будущего нательного креста.

как предгрозовое небо; роковые, глубокие. Когда в субботу надевает сестра халифот[7], во всем селении не сыскать девушки красивее.

Младшая сестра, Мария, – совсем другая. У нее белокурые локоны, нежный румянец, застенчивый взгляд. Мария, худенькая и невысокая, кажется совсем ребенком. Но к ней, как и к Марфе, сватались уже многие. Только обе они, и Мария, и Марфа, непреклонны. Не хотят выходить замуж, говорят: «Учитель – вот семья наша…»

Странно все это.

И непонятно.

А только тревоги никакой на сердце нет. Наоборот – в душе царят лишь радость и покой. А еще есть осознание того, что все происходящее – очень важно и правильно.

Знакомство с Иисусом перевернуло всю жизнь, показало истинный свет и настоящую радость.

Страшно, если бы этого не произошло. Но ведь сколько людей еще страдает во мраке неведения и злобы…

Дай Бог, чтобы у всех неверующих открылись глаза. Дай Бог, чтобы как можно скорее почувствовали они милость и благодать Божью.

Дай Бог, чтобы в каждое сердце однажды вошла любовь!

Несколько лет назад Иисус постучался в дом их семьи в Вифании. Он не успел сказать ни слова, просто смотрел на застывших у порога хозяев, растерянных и изумленных, – Лазаря, и Марфу, и Марию. Иисус даже еще не обратился с просьбой о ночлеге – но почему-то сразу стало понятно, какая великая милость оказывается их семье…

– Лазарь, ты слышишь меня? – Мария притянула к себе веточку винограда, а потом отпустила ее, и гибкая лоза легонько хлестнула юношу по плечу. – С тобой разговариваю, а ты – как глухой Иосиф, что просит милостыню у нас в селении! Вот, возьми, брат, попей! Денек-то сегодня выдался жаркий!

Лазарь послушно сделал глоток теплой воды из протянутого сестрой глиняного стакана и едва устоял на ногах. Лицо девушки почему-то сразу стало исчезать в непонятно откуда взявшемся тумане.

Лазарь покрутил головой по сторонам, облизнул пересохшие губы и пробормотал:

– Да, сегодня жарко. Давайте закончим наши ряды и вернемся в дом, чтобы переждать зной.

Мария легонько кивнула в знак согласия и вздохнула:

– Марфа сегодня ходила на рынок. Люди рассказывают: опять Его хотели схватить. Он проповедовал в Иерусалимском храме. А еще исцелил слепого в субботу. Фарисеи были недовольны и собирались схватить его. Ученики вывели Иисуса из города. Опять Он скрывается, опять эти скитания…

– Глупые люди, – простонал Лазарь, чувствуя, как от сочувствия к Учителю все его внутренности сжимаются в тугой болезненный комок. – Я не понимаю, откуда в них столько злобы! Он – свет, Он – любовь. Все то, что Он говорит и делает, – правильно. Почему многие не верят словам Его?! Он же – Мессия, Его приход предсказал Иоанн Креститель, в Его жилах течет кровь Давидова рода. Но нет, не верят. Смеются: «Сын плотника из Назарета? Да разве может из Назарета прийти хоть что-нибудь хорошее!»

Мария едва заметно пожала плечами:

– Не все хотят идти к свету. Но не это самое страшное. Я боюсь, случится что-то очень плохое, непоправимое. С Ним. Слышала, Учитель говорил апостолам: «Скоро меня с вами не будет».

[7] Комплект праздничной одежды у иудеев.

– И я слышал такие слова.

– Но почему Иисуса не будет с нами? Он же может исцелить любого! А помнишь, что рассказывали люди о свадьбе? Той самой, где Иисус превратил воду в вино? И Он ходил по воде, и накормил пять тысяч человек тремя рыбками и пятью хлебами – и все ели досыта, а потом еще набралось двенадцать коробов остатков той трапезы… И вот, с такой-то силой, дарованной Отцом Небесным, – и чтобы Иисуса не стало?

– Поверить в это невозможно, – кивнул юноша, и облако черных кудрей на мгновение закрыло его лицо.

– Невозможно. Но ведь мы знаем – Он всегда все предугадывает, никогда не ошибается. Значит, это правда. Это – страшная правда?!

Лазарь вздохнул:

– Спрашивать Его напрямую бесполезно. Никогда не говорит Он прямо, рассказывает свои дивные притчи. А как понять их – не объясняет. И записывать ничего не велит. Я видел, кто-то из апостолов пытался – а Он заметил и велел больше не писать. И еще, сестра, знаешь, что я тебе скажу. Помнишь, апостолы рассказывали – пришли они как-то с Иисусом в бедное селение и остановились на ночлег. Хозяин дома был рад, но не имелось у него ни крошки хлеба. Так все и легли спать голодными. Апостолы не понимали: коли есть у Иисуса такой редкий дар, то почему нельзя достать немного хлеба на ужин?! Учитель только улыбнулся и ничего им не сказал. Силы-то у Него великие имеются, это все знают. Но для себя Он, кажется, не хочет их использовать.

– Вот вы где! – между виноградных листьев показалось личико Марфы, раскрасневшееся и улыбающееся. – Кто-то работает, а кто-то просто болтает, и…

Она вдруг встревоженно нахмурилась, подошла к Лазарю, прикоснулась ладонью к его лбу и дернула Марию за руку:

– Сестра, да у него же жар! Смотри, пот с лица так и льется!

– Просто солнце слишком яркое. Но я Марии как раз предлагал вернуться в дом, и…

– Ты заболел, Лазарь, – Марфа подняла с земли плащ брата. – Пойдем скорее, надо звать врача.

– Тогда вы идите в дом, а я сразу побегу к доктору, – решила Мария, в тот же миг исчезая между зелеными ветками.

Лазарь покорно поплелся вслед за Марфой.

Голова и правда начинала болеть все сильнее, ноги еле двигались, а в глазах плясали темные мушки.

В прохладной комнате юноше сначала стало чуть легче.

«Может, и не надо врача? Врач берет дорого, – думал он, сворачиваясь клубочком на постели. – Теперь конец зимы, однако солнце светит уже ярко. Я не покрыл головы, напекло. Отлежусь, и все пройдет…»

Но в то же мгновение разгоряченное тело Лазаря затряслось от сильнейшего озноба. А еще он закашлялся и с ужасом увидел, что на ладони остался сгусток темной крови.

– Марфа, принеси попить, – простонал юноша, пытаясь сообразить, как бы половчее спрятать окровавленную руку. Не хватало еще, чтобы сестра испугалась! – Воды!

Как спешила к нему Мафра, Лазарь уже не видел – черная пелена опустилась на весь мир, и ничего в нем различить было уже невозможно.

Не видел он и доктора, растерянно ощупывающего его лоб.

Потом, через целую вечность вдруг раздался рядом голос Марии, которая, должно быть, разговаривала с Марфой:

– Надо дать знать Иисусу. Пошлем ему весточку. Учитель любит нашего брата и называет его своим другом. Верю я, что как только узнает Иисус о болезни Лазаря, наш брат сразу же сделается здоров.

«Значит, и правда все будет хорошо, – промелькнуло в голове Лазаря. – Не оставит Господь меня в беде, верую – не оставит…»

* * *

Как интересно, что меня ждет!

Гнилой труп?

Или множественные ножевые ранения?

Я бы все-таки предпочла первый вариант: да, вони больше, зато писанины меньше. Пока множественные раны измеришь, опишешь – с ума сойти можно! Некоторые наши судмедэксперты – люди, в принципе, ко всему привычные, – так до конца к виду и запаху сгнивших тканей и не адаптировались. А меня вот особо не мутит. Быстренько отключаю собственную физиологию и думаю только о том, как решить поставленную передо мной задачу. Вскрытие для судмедэксперта – как шахматная партия с преступником и смертью. Любые эмоции в этой игре только мешают. Я люблю выигрывать и умею становиться бесстрастной.

– Давай, проезжай скорее, – шепчу еле ползущей впереди «девятке». – На газ нажми, и побыстрее!

Такой же грязно-серый автомобиль только что загородил выезд моей машинке. Я полчаса то истошно сигналила, то металась по двору, разыскивая наглого хозяина тачки, – и вот итог: опаздываю на работу. А на нашу работу лучше приходить вовремя. Ровно в восемь утра начальник отдела танатологии Валера начинает распределять привезенные на вскрытия в морг трупы конкретным экспертам. Опоздавшим вечно самое сложное и муторное достается: сгоревшие тела, нашинкованные в капусту фрагменты. Но никто из наших особенно не возмущается. Правила известны, Валера суров, но справедлив. Так что без обид.

Наконец-то! Добралась!

Паркую немолодого, но дико любимого «Hyundai Tucson», «тушканчика» своего, верную машинку. Вылетаю из салона и вперед – мимо охраны, по коридору, в мой рабочий кабинет. Быстрее переодеться в светло-зеленую пижамку и предстать пред начальственные Валеркины очи.

Хочу гнилой труп – меньшее из зол, и…

– Привет, Рыжая! Долго спишь! Я уже собирался тебе звонить!

Не успеваю домчаться до своей каморки.

Валера. Легок на помине!

Мне он нравится: взяток не берет, перед начальством не прогибается. Конечно, иногда от экспертов требуется заключение, которое совершенно не отражает истинную картину произошедшего, но очень выгодно «нужным» людям. Тогда Валера начинает хитрить: на прямой конфликт не нарывается, косит под дурачка, тянет время. Но против совести не идет и за кресло свое не держится – поэтому я его уважаю.

Итак, мой начальник. Говорит – даже разыскивал меня! Ладно. Пусть будет нападение – лучший способ защиты.

– Наверное, Валера, ты мне звонил потому, что тебе не терпелось денег мне дать! Ты не жмись, все ж для братьев наших меньших. Люди о себе позаботиться могут, а вот зверушки – нет!

Делая вид, что «наезжаю», я на самом деле начинаю заводиться.

Почему бы Валерику и правда не дать мне денег для собак? Я давно помогаю собачьему приюту, и нам столько всего постоянно требуется: еда, медикаменты, ветеринарные услуги. От пары сотен рублей никто не обеднеет. Но эти несколько бумажек могут изменить жизнь собаки, вернуть ей здоровье, помочь обрести хозяина.

– Пошли ко мне в кабинет, поговорим, – Валера косится на мою короткую юбку, потом я чувствую его взгляд возле верхних расстегнутых пуговиц блузки.

Я нежно люблю своего начальника. Однако собственного мужа я люблю больше, и с Валерой мы – просто коллеги. Но, наверное, у всех мужиков это рефлекс – на красивые ноги пялиться. С внешностью и фигурой мне повезло. Те, кто не знают нашу семью, принимают меня за сестру собственного сына. Сынок, кстати, уже давно сделал меня счастливой бабушкой. И в некоторых ситуациях я рада вытащить фотку внучки из портмоне и объяснить, кем мне приходится сие прелестное чадо, – молодых ухажеров мигом как ветром сдувает.

«У всех заботы – у меня забавы, у всех работа – у меня игра, у всех проблемы – у меня задачки на сообразительность».

Опускаясь в кресло, машинально пробегаю глазами по этим строкам таблички, стоящей на столе Валеры, – и снова думаю о том, что надо бы и мне распечатать такую жизнеутверждающую фразу. Все-таки «как вы лодку назовете – так она и поплывет». Конечно, маловероятно, что вся жизнь может быть приятным беззаботным плаванием. Но правильные слова очень даже здорово помогают уменьшить количество штормов и бурь.

– Рыжая, у меня есть один знакомый журналист. Возник у него кое-какой интерес в нашем ведомстве. Он твое фото увидел и погиб: Наталию Александровну хочу. Только Писаренко и никто другой. А суть вопроса…

Перебиваю, не дослушав:

– А не пошел бы он в задницу! Валера, я не понимаю, сколько можно!

Опять начинаю заводиться.

Ну а как тут сохранять спокойствие, если опять двадцать пять: придет вьюноша с нежным румянцем или барышня с предвкушающе-выпученными глазами. Сначала, вдохнув нашей амброзии – гремучей смеси формалина, крови, экскрементов и разлагающейся человеческой плоти, – журналист рухнет в обморок. Быстро оклемается (папарацци, как тараканы, на редкость живучи), затем начнет с умным видом задавать тупейшие вопросы.

«Не страшно ли вам резать трупы? Почему вы выбрали такую странную профессию?»

И вот придерживаешь уже готовую излиться нецензурную Ниагару и гонишь какую-то пургу.

Нет-нет, не противно – мы ко всему адаптируемся еще в мединституте.

Нет-нет, чего покойников бояться – надо опасаться преступников, которые совершают такие зверства.

И в этом бессмысленном словесном пинг-понге нет ничего ни важного, ни настоящего.

На самом деле я бы хотела, чтобы кое-что из будней судебных медиков обсудили бы в СМИ. Правда, хотела бы.

Стоит написать о том, что следствие работает все хуже и хуже. Редко когда встретишь следователя, который работы не боится и которому действительно важно, чтобы преступник сидел в тюрьме. Большинство с поиском не заморачиваются, и единственное, что интересует среднестатистического следака, – это как дело прикрыть. И так они настойчивы бывают в этом стремлении! Читаешь их вопросы на постановку экспертам – и просто волосы дыбом встают. У младенчика следы удушения, у мужика – ножевые в спине. Насильственный характер – просто яснее ясного. Но нет, пиши, эксперт, – могли ли потерпевшие сами нанести себе такие повреждения? Мог ли младенец сам себя удушить, мог ли мужчина трижды спиной на нож напороться?!

А как Валере нашему нервы мотают! Нашлись у кого-то из преступников знакомые в правоохранительной системе – и все, фальсифицируй заключение, эксперт, а мы тебе в благодарность с ремонтом кабинета или покупкой компьютера поможем. Если начнешь выпендриваться – крылышки пообломаем, так что расслабляйся и получай удовольствие.

Противно? Еще бы! Но такова жизнь.

Только в какой газете обо всем этом напишут?

Нет, о важных вещах сегодня говорить нельзя. Так, пустые словеса, для потехи обывателей, для завлекаловки. «Скучно, девушки»[8] – хорошо сказано; жаль только, что не мной. Скучно, бессмысленно, поверхностно; мелка и мертва современная газетная душонка…

– Ладно, Валер, я пойду. Надеюсь, ты мне по старой дружбе гнилой, а не порезанный труп выделил? Развлекай сам своих журналистов, мне работать надо, – я встаю с кресла и опять чувствую тепло взгляда шефа на своих коленках. – Я же тебе говорила – больше в этом пустом времяпрепровождении не участвую.

– Ох, Рыжая, ну и темперамент у тебя!

– Нормальный темперамент. Муж не жалуется. Мне даже кажется, что он доволен!

– Что ж ты такая бешеная, если у тебя с личной жизнью все в порядке? Довольная женщина – она добрая, спокойная. А ты меня даже не дослушала. Присаживайся и расслабься!

Конечно, можно было бы ему сказануть. Про то, что это не я бешеная, а многие вокруг меня сонные. Жизни не видят, идут по накатанной колее – и думают, что так надо. И пусть мне уже сто пятьдесят лет – а я до сих пор готова рыдать над каждым весенним листиком, ведь он такой классный! И по мне, лучше вот такие сопли идиотского счастья, чем зажиревшее безразличие или глупое всезнание!

Ладно, хрен с ним, с Валерой.

Буду пытаться учиться сначала думать, а потом говорить.

Вряд ли у меня это, конечно, получится.

Но, может, к этому стоит стремиться, и…

– Короче, Рыжая, мой приятель решил замутить новый проект. Ты программу «Битва экстрасенсов» видела?

Киваю. Кто же ее хотя бы краем глаза не смотрит? И я, случается, поглядываю. Иногда прямо мурашки по коже – все-таки некоторые экстрасенсы обладают такой непонятной силищей, что даже страшно становится.

– Так вот, – продолжает Валера и берет лежащую рядом с компьютерной клавиатурой кисточку. Ага, верный признак: если шеф пыль гоняет – значит, нервничает, – программа его будет очень похожа на «Битву». Назовут проект иначе, «Ясновидящие». Но суть та же – сложные испытания для тех, кто якобы обладает какими-то там сверхспособностями. Программе нужны эксперты. В качестве постоянного эксперта мой приятель хочет пригласить судебного медика. Это логично: там многие испытания связаны с преступлениями, и никто лучше судебного медика не сможет задавать вопросы, спокойно общаться с родственниками, которые пережили горе. Все-таки у нас нервишки покрепче, чем у обычных граждан, профессия, как-никак, обязывает!

– Валер, ты чего? Какая из меня телезвезда!

– Рыжая, не скромничай. Мой друг просмотрел фото всех наших сотрудников. И решил, что ты наиболее фотогенична. Все-таки законов телевизионного шоу никто не отменял, внешность должна быть привлекательной. А ты ведь красавица, хоть и стерва.

– Да, я такая, – жеманно тряхнув огненной гривой, опять поднимаюсь с кресла. – Передай своему корешку мерси за предложение. Все, пойду работать. Делать мне больше нечего, только во всякой фигне сниматься. Да не мое это! Мне весь этот телевизионный гламур совершенно не интересен!

– Рыжая, а я тебе говорю – ты все равно согласишься. Уж я-то тебя знаю.

– Да ни за что! Что за странная уверенность в том, что любой дамочке хочется на себя по телевизору посмотреть?! Меня лично вот это ни капельки не вдохновляет!

– Ты через минуту страстно захочешь именно этого. Спорим?

---

[8] Из выступления О. Бендера перед шахматистами. (Ильф и Петров. «Двенадцать стульев».)

В светло-голубых глазах Валеры уже пляшут хитрые чертики. Нет, спорить с ними не стоит, всей своей кожей чувствую – не надо этого делать.

Начальник что-то пишет на небольшом листке бумаги, протягивает его со словами:

– Участие в программе платное. Вот это – сумма твоего гонорара. Заработная плата по основному месту работы, естественно, сохраняется. К тому же Сергей мне объяснял: проект подразумевает частичную занятость, он постарается так спланировать твой график, чтобы ты была задействована на съемках два-три дня в неделю. А в остальное время будешь работать, как обычно, и план у нас успеешь выполнить.

План…

План по вскрытиям!

Наверное, есть вещи, к которым невозможно привыкнуть; которые устроены настолько по-идиотски, что мозг нормального человека просто отказывается все это принимать!

Ну вот, положа руку на сердце, – разве это нормально, устанавливать судмедэксперту план по вскрытиям? Как будто бы можно точно знать, какой урожай соберет смерть, сколько трупов привезут в наш морг?! Тем более эта норма выглядит по-дурацки, ибо вкалывать эксперту приходится, как правило, изначально всегда в несколько раз больше «плана». Москва – это такой конвейер смерти, который никогда не простаивает. Нагрузка на одного судебного медика огромна. Бывает, весь день от секционного стола не отходишь, всю ночь пишешь акты – а утром новый вал работы, и накапливается писанина, и кажется – из нее не вынырнешь никогда. Так что вся эта плановая бюрократия абсолютно бессмысленна! Только лишний повод для раздражения!

Валера хитро подмигивает:

– Ну что, чья взяла? Ты же корыстна, моя прелесть! Ты еще хочешь отказаться от заманчивого предложения?

У меня замирает сердце.

Сумма действительно очень внушительная.

Ее хватит и на корм для собак, и на кастрацию-стерилизацию, и на оплату хостинга для сайта приюта.

– Вижу, глазки у тебя заблестели! Что ж, можно звонить моему Сереге и говорить: у проекта «Ясновидящие» уже есть эксперт – судебный медик, – говорит Валера и с недоуменным видом пожимает плечами. – Честно говоря, я предупреждал своего приятеля, что он выбирает такую ведьму, которая всех экстрасенсов за пояс заткнет. Но он меня не послушал.

– И правильно сделал, – мысленно я продолжаю тратить телевизионный гонорар на своих любимых «дворяночек», а он все не заканчивается. – «Ясновидящие» так «Ясновидящие». Ради таких денег я запросто в телевизор схожу, не вопрос. От меня ведь не убудет, а собачатинам любимым сколько пользы!

* * *

– Девочка моя…

Я не помню, сколько раз я слышала этот прерывистый шепот мужа. Я знаю все, что сейчас будет: мы с Леней исчезнем, растворимся друг в друге. Я буду пытаться удержаться у пропасти удовольствия – потом пойму, что вот-вот сорвусь, потом улечу… Действительность вернется его шепотом «ты орешь, как ненормальная» и моими ладонями, скользящими по влажной коже мужа; мы выпьем губы друг друга, мы придумаем миллион нежных слов для наших тел. Мы честно попытаемся отклеиться, разорваться – но стоит только упустить пару секунд, безумный огонь страсти опять разгорится, испепелит нас.

Мне сто пятьдесят лет, а я люблю и хочу своего мужа. Мы часто беремся за руки. Иногда мне хочется просто так, безо всякого повода, чмокнуть колючую вкусно пахнущую Ленькину щеку. Он обожает нежно ущипнуть меня за задницу. Я точно знаю – это счастье.

– Девочка моя…

Прижимаюсь к Лене всем телом, задыхаюсь, замираю. И муж, дразня, начинает двигаться во мне медленнее. Чувствую, как его ладони проскальзывают к моим ягодицам – и мир сразу же разбивается вдребезги…

Через похожий на вечность миг муж довольно улыбается:

– Ты орала, как сумасшедшая!

Собираюсь нырнуть вниз, под одеяло; проложить дорожку из поцелуев по его плоскому животу, добраться до моего самого любимого «мороженого». О, сейчас раздастся такое «рычание тигра» – соседи опять за нас порадуются.

Но Леня удерживает меня:

– Подожди, давай поговорим. Ты маньячка, сколько можно заниматься сексом!

Я – маньячка?! А кто по утрам мне краситься мешает! Немного замешкаешься – и все, изнасилуют. Правда, так сладко, что изнасилованием это вряд ли можно назвать…

Впрочем, я даже не знаю, что я люблю больше – заниматься с мужем сексом или болтать. Он – отличный собеседник, прекрасный слушатель. Леня – тоже судебный медик, поэтому ему не требуются лишние объяснения. Впрочем, и капля дегтя, разумеется, наличествует. Я бы не отказалась, если бы муж не был таким язвительным. В конце концов, я хочу, чтобы меня защищали и оберегали – а не ерничали! Может, в гороскопах есть доля истины?

Муж родился в год Змеи. И я точно знаю: та змея была ну очень подколодной!

Леня откидывается на подушку, обнимает меня за талию и бормочет:

– Рассказывай обо всем по порядку. Кто там у вас главный ясновидящий, кто ведущий, какие задания? Моя жена – телезвезда, с ума сойти можно! Только попробуй променять меня на какого-нибудь экстрасенса!

Бац, бац, бац – иголки боли атакуют мое сердце.

Я еще не знаю, насколько велики способности тех людей, которые будут принимать участие в проекте «Ясновидящие». Со стороны все они похожи на городских сумасшедших, на разбалованных истеричных детей; на постаревших актеров, которым никогда не получить ангажемента, только они этого не понимают и не видят, насколько нелепы их изъеденные молью пыльные туалеты.

Но среди этих людей есть один молодой мужчина… Еще не знаю его имени. И не хочу его узнавать. Порочный взгляд и бесстыдные губы мальчика – это вирус, подцепить который проще простого. Теоретически у меня иммунитет – любовь к мужу. Практически лучше держаться от красавчика-экстрасенса подальше.

Что ж, браво, Леня. Ты никогда не шутил насчет моей возможной измены, ты не ревновал. Повода не имелось. До недавних пор… И вот теперь приходится констатировать: мой муж действительно видит меня насквозь, улавливает те вещи, которые я в себе самой пытаюсь не видеть…

Волевым усилием изгоняю из сознания манящие губы парня, прижимаюсь к мужу и шепчу:

– Самый главный на проекте – приятель нашего Валеры продюсер Сергей Кононов. Холеный, высокий – одевается, как англичанин. Классические брюки, галстук в тон рубашки, плащ, трость. Волосы залиты гелем и зачесаны назад – Мефистофель, неприятный типчик. Уж не знаю, где они пересеклись с Валерой и как подружились. Я бы с этим Кононовым в разведку не пошла. Он какой-то… зловещий…

– Работа у него такая – зловещую программу делать.

– Ой, нет!

Я уже готова поспорить.

Сказать, что ведущие для программы – Катя и Максим – выбраны самые обычные, в меру гламурные и очень приветливые. Еще мне хочется рассказать о том, что с первого же дня все пошло шиворот-навыворот. Сегодня я приехала в студию, где должна была проходить запись задания с моим участием, но мои съемки отменились, так как команде пришлось переснимать предварительные испытания. Сделанная накануне запись вдруг непонятно куда исчезла – и экстрасенсы принялись обвинять в этом друг друга.

Впрочем, не все стали с удовольствием скандалить.

Мне запомнился участник из Беларуси, одетый почему-то в белое кимоно, – Алесь Мацкевич. Узнав, что файл с записью исчез, этот совершенно лысый мужчина с длинной окладистой бородой отошел в сторону, уселся в позу лотоса и закрыл глаза. В его медитирующей фигуре было столько мудрости и светлого умиротворения! Я просто смотрела на него – и мне становилось так легко на душе, как бывает лишь в церкви.

Правда, потом я обернулась – и сразу же мороз прошел по коже. Позже возникло удивление по поводу мучительно-болезненного страха. Ведь находившийся в противоположной стороне комнаты человек не выглядел пугающе. Да, бугай с бритым черепом, горой мускулов и многочисленными золотыми цепями – на шее, на запястьях. Но сколько таких «братков» можно увидеть на рынках или в спортзалах! Не самый эстетичный тип внешности – однако уже довольно привычный. Вот только в огромных ручищах этого мужика была связка высушенных птичьих трупиков, черная свеча и козья ножка. И его взгляд буквально плавил все вокруг практически физически ощущаемой жгучей ненавистью…

– Это Петр Волков, черный маг, – прошептал за моей спиной мягкий женский голос с сексуальным прибалтийским акцентом. – А вы из съемочной группы?

Я повернула голову. Рядом стояла симпатичная блондинка лет пятидесяти, с огромными голубыми глазами, немного полноватая.

Представившись, я пробормотала:

– Буду на этом проекте экспертом на заданиях, связанных с криминалом.

– Очень приятно. Гинтаре Прунскене, приехала на программу из Литвы, – женщина попыталась улыбнуться, но ее лицо все еще сжимал страх. – Знаете, я – православная целительница. В нашей среде таких, как я, называют «светлыми». Чувствую, этот Волков – из «темных» и тут против нас колдовать будет…

Очень хотелось согласиться с этой дамочкой. Но, вспомнив о своей миссии беспристрастного эксперта, я каким-то непонятным образом сумела промолчать. Хотя очень даже хотелось выяснить, будет ли этот черный маг постоянно разгуливать со своими совершенно антигуманными амулетами.

Бр-р-р, у меня, активного борца за права животных, аж мурашки по коже от одного вида этих умученных птенчиков и расчлененных козочек…

В общем, день прошел бестолково.

Я немного перепугалась, познакомилась с несколькими людьми и вернулась домой, так как заниматься мне в студии было еще совершенно нечем. Не находиться же среди ругающихся, как базарные торговки, то ли экстрасенсов, то ли сумасшедших!

Я уже готова выпалить все это перебирающему пряди моих длинных волос Лёне, но бодрое пение собственного мобильника заставляет меня прикусить язык.

На экране телефона высвечивается совсем недавно внесенное в записную книжку имя: Сергей Кононов, тот самый продюсер проекта «Ясновидящие».

«Наверное, опять какие-то изменения в графике съемок», – вертится в голове, пока я отвечаю на звонок.

– Наталия Александровна, у нас тут, похоже, девушка умерла прямо после записи. Мы закончили работу, решили выпить по бокалу шампанского – а она вдруг упала. Судороги

начались, пена изо рта пошла. Я «Скорую» стал набирать – а сердце уже все, остановилось. Я не могу до Валеры дозвониться… Что делать? Что в таких случаях вообще надо делать?! – звенит в динамике нервный срывающийся голос…

* * *

– А почему этот продюсер позвонил именно тебе?

– Слушай, так, а если все они экстрасенсы – разве сами они не могут сказать, кто убийца?

– Как думаешь, а могла она случайно отравиться? Паленого спиртного сейчас полно! Хотя, с другой стороны, если судороги, да еще и пена изо рта, и так все молниеносно – то тут невольно подумаешь о сильнодействующем яде…

Муж ведет нашего «тушканчика» и строчит вопросами, как из пулемета.

Вяло отзываюсь, щелкаю семечки очевидных банальностей.

Не у каждого человека перед глазами что ни день, то новый труп. И денди со взглядом барыги Кононов – не судмедэксперт. Когда девчонка после глотка шампанского стремительно взлетает к небесам – тут и правда с перепуга всех на уши поднимешь, и знакомых, и незнакомых. У нашего шефа Валеры есть одна мобила, которую он не отключает никогда, – но это рабочий номер, а не самые близкие приятели типа Кононова могут его и не знать. Валерик молодец: ближе к ночи телефон отрубает. Мы с Леней в этом плане бестолковые. Но и везучие. Если бы Кононов позвонил на пару минут раньше – весь кайф бы нам поломал.

Перепуганный продюсер так и не уточнил, с кем именно случилась беда. Сказал только – «девушка». Мне с Джомолунгмы прожитых веков кажется: никто из участниц под определение «девушка» вообще не подходит. Я бы оперировала словами «девочки» или «женщины»; участницы программы либо беззащитно юны, либо уже достаточно нашагались по жизненному пути. А вот среди съемочной группы полно «девушек»: всякие помощницы, ассистентки, администраторы. Длинные ножки в откровенных мини, сладкие духи, волнистые блестящие волосы, глупые сигареты в уголках пухлых губ (ох, молодежь, вы бы знали, сколько черной дряни оседает в ваших розовых легочных тканях, авансируя будущую онкологию!) – мои воспоминания тут сливаются в пестрый хоровод, бурлящий юностью, но еще не обладающий яркой индивидуальностью.

А экстрасенсорные способности… Понятия не имею, позволяют ли они на самом деле просматривать «прошлое», как кинофильм. Мне приходилось видеть подобные испытания в «Битве экстрасенсов», и иногда участники так точно описывали произошедшее, что в голову невольно закрадывалось: «А вдруг это все разыграно, для зрелищности, для рейтингов?» Но проект «Ясновидящие» только стартует. Я не то что не могу судить о возможностях всех участников – я даже не успела как следует всех их рассмотреть. Однако того, что я видела, достаточно, чтобы понять: тот же Волков никаких моральных норм не имеет. Не надо быть экстрасенсом, чтобы осознать, всей своей леденеющей шкурой прочувствовать: рядом с таким человеком находиться опасно, он может легко раздавить тебя, как козявочку, и никаких угрызений совести не испытает. Помню, когда я все смотрела на его высушенных птенчиков, даже мысль мелькнула: «А не свалить ли мне отсюда? Вот сделаю что-нибудь, что этому дядечке не понравится, – а он как наведет на меня порчу». Но потом вспомнила про деньги и собачий приют – и решила, по крайней мере, не пугаться раньше времени.

Яд, не яд… Об этом муж вообще зря заговорил. Нет, конечно, кое-что при внешнем осмотре трупа эксперт сможет заподозрить: слишком сильное окоченение (или наоборот, выраженное менее обычного), пожелтевшие слизистые, резкие специфические запахи. Но даже вскрытие может четкой картины не дать – часто при отравлении ядом выявляются только общеасфиксические признаки. Было отравление или нет – это по гистологии становится ясно,

по исследованиям тканей и жидкостей. Ленька все это прекрасно знает. Впрочем, все мы иногда забиваем на свои профессиональные знания и просто поддаемся эмоциям.

В любом случае, моя совесть чиста, я сделала все, что от меня зависело, – посоветовала Кононову вызвать «Скорую» и полицию. А сейчас еду с мужем в «Останкино». Тут у нас с Леней возникло полное взаимопонимание: хочется не хочется выбираться на ночь глядя из койки, а надо. Неизвестно, что там случилось; неизвестно, насколько вменяемые милиционеры (в смысле полицейские, когда же я привыкну ко всем этим переименованиям!) на место происшествия приедут. Присутствие нас с мужем там явно не помешает. И если мы можем кому-то помочь – мы просто делаем это.

– Ты глянь, на парковке – свободное место! – Леня лихо вписывает «тушкана» в пространство между серебристым «Volvo» и стареньким «Москвичом». И опять восклицает: – А мы не первые, смотри, тут уже пара милицейских машин!

Машинально поправляю:

– Полицейских машин, солнце.

Муж скептически усмехается. В его карих глаза явно читается: чем постоянно заниматься переименованием одних структур и формированием новых, лучше бы нормальную работу наладили. Но машина власти не требовательна: ей хватает и видимости деятельности.

Прямо из холла набираю Кононова.

Надо сказать, чтобы он спустился и встретил нас. Самостоятельно я не найду нужные кабинеты в этих лабиринтах останкинских коридоров даже под пытками.

Звоню, звоню.

«Сергей, почему же вы не берете трубку?!»

Впрочем, дурацкий вопрос. Нам с Леней легко предположить, почему продюсер не может ответить, – наверное, его уже взяли в оборот на предмет дачи показаний, и…

– Наталия Александровна, здравствуйте. Меня Сергей Николаевич послал вас встретить. Вы не одна, я вижу. На кого нам выписать пропуск?

Мой муж безмолвствует, не дышит, таращит глаза, и я его понимаю – перед нами материализовался ангел.

Девочка похожа на французскую актрису Софи Марсо – округлое личико, большие светлые глаза, пухлые губы, густые, длинные, разобранные на ровный пробор волосы… Единственное различие – она пепельная блондинка; ее волосы явно светлее, чем у француженки. Ей максимум двадцать, и она тоже участница проекта. На голубой блузке приколот бейджик с именем – Александра Ремизова. Фон карточки – ярко-зеленый, как и у всех участников.

Итак, Саша. Молодая, ранняя, красивая…

Смотрю на онемевшего мужа и испытываю самые противоречивые чувства. Ревность и… облегчение.

Не я одна поглядываю на сторону, не только я обращаю внимание на молодость и красоту.

Нет-нет.

Что за мысли!

Никто ни на что не обращает внимания!

Да, иногда мы с Леней пялимся на симпатичных экземпляров противоположного пола. Но это же не смертельно.

В нашей семье все хорошо. И будет еще лучше. Главное – выбросить из головы все эти глупости: интерес к другому мужчине, ревность к другой женщине…

Глава 2

Около 30 года нашей эры, Вифания, Марфа

– Почему Он ничего не сделал?

– Я не знаю, сестра… Филадельфия не так уж и близко от нашего селения. Может, получил Иисус послание уже после того, как Лазарь умер? Поэтому Учитель и не поспешил к нам. Знал, что брата нашего спасти уже невозможно…

– Ему – и спасти невозможно?! Ему?! Нет, так не бывает… Но и поверить, что Он бросил нас в нашей беде, я не могу. Может, его схватили?

– Не знаю, Мария. Когда пришел наш посланник в Филадельфию, Учитель беседовал со своими учениками. А узнав о болезни Лазаря, сказал как-то чудно: «Не к смерти эта болезнь, а к славе Божьей». По крайней мере, два дня назад с Иисусом все было в порядке.

– Хорошо, что враги Его не причинили зла Ему… Но как же мне больно!

– И мне больно, Мария, – прошептала Марфа, смахивая набегающие на глаза слезы. – Милый брат наш, зачем он оставил нас?..

О своем горе можно говорить свободно.

Об Иисусе – нет. Ведь дом полон людей. Узнав про кончину Лазаря, многие и из Вифании, и даже из Иерусалима пришли – чтобы выразить сочувствие, разделить скорбь. Но христиан мало среди них. Говорить об Иисусе опасно. Когда проповедовал Он в этих местах, многие схватили камни, желая побить Его.

Впрочем, Мария все понимает без слов…

Уже четвертый день покоится Лазарь в семейном склепе, расположенном в скале за садом.

Уже сколько говорено с сестрой обо всем произошедшем – и о том, что Иисус не поспешил на помощь; и о том, что все равно незримое присутствие Учителя рядом помогает пережить горе.

– Нет на Него обиды в моем сердце, – вздыхала Мария, когда вернулся от Иисуса посланник и передал странные слова Учителя. – Я знаю – любовь Его к нам бесконечна, и Он помог бы нам, если бы это только было в Его силах.

Случившееся обсуждено множество раз.

Но все равно – невозможно до конца осознать такое горе.

– Почему все-таки Он ничего для нас не сделал? – Мария снова подняла на сестру покрасневшие глаза.

Пожав плечами, Марфа отвернулась.

Нет сил больше видеть страдания сестры, нет сил отвечать на немые вопросы. Ее фигурка в темных одеждах кажется совсем хрупкой. У Марии не самое крепкое здоровье. Бог знает, сможет ли она пережить смерть Лазаря, и…

Очнувшись от своих мыслей, Марфа посмотрела на соседского мальчика, настойчиво тянувшего ее за рукав черного платья.

– Идет! Он идет! Расположился возле Вифании, я видел, как ученики Его уже разбили шатер, чтобы мог Он отдохнуть от долгого пути и палящего солнца.

Слабо улыбнувшись, Марфа потрепала подростка по темноволосой голове.

Все-таки Иисус пришел!

Значит, не зря она не теряла надежды; не зря отправила соседского парнишку наблюдать за дорогой на Иерихон.

Она собиралась сказать радостную весть Марии, поискала знакомую фигуру глазами и огорченно вздохнула: сестры нет в покое. Но и искать, ждать ее возвращения невмоготу.

«Пойду, скорее встречу Иисуса, – Марфа выбегает из дома и несется вперед, поднимая облачка пыли с раскаленной дороги. – Вот сестра удивится, когда вернусь я назад с Учителем!»

Его еще не видно.

Взгляд Марфы скользит по привычному пейзажу – невысокие серые каменные дома, сохнущее на веревках белье, галдящие ребятишки, коричневые изгибы скал.

Все выглядит совсем обычным – но вместе с тем и необычным. Кажется, сам воздух наполнен невероятной любовью, покоем и светом. И с каждым вдохом душа исцеляется. Так всегда происходит, когда Иисус находится рядом.

Вот и Он сам!

Должно быть, понял, почувствовал, что к Нему спешат, и тоже вышел навстречу.

В простом светлом эфоде[9], с наброшенным на плечи талитом[10], Иисус выглядит, как небогатый иудей. Но стоит только увидеть Его карие глаза и добрую улыбку – всем сердцем сразу чувствуешь: то непростой человек, в нем – благодать Божья.

Добежав до Иисуса, Марфа упала на колени и, роняя слезы на запылившиеся сандалии Учителя, простонала:

– Господи, если бы Ты только был здесь – мой брат Лазарь не умер бы. Но я и сейчас верую, что Отец Твой даст Тебе все, о чем Ты его попросишь.

Помогая Марфе подняться, Иисус тихо сказал:

– Лазарь не умер, он воскреснет.

Девушка, шмыгнув носом, быстро кивнула:

– Я знаю, в последний день.

– Я есть воскресение и жизнь. Верующий в меня, если и умрет, оживет. И всякий живущий и верующий в меня не умрет вовек. Веришь ли ты в это?

Перед глазами Марфы возникло бледное, залитое потом лицо Лазаря.

Прилипли ко лбу темные влажные кудри, запеклись губы. Длинное худенькое тело сотрясает озноб.

Невероятно сильна была вера брата. Даже в беспамятстве он шептал: «Господи, верую, верую!» Руки Лазаря все касались оберега, трех маленьких мраморных рыбок, прикрепленных к нитке простого ожерелья из мелких кусочков мрамора. От этих при косновений братику становилось легче. Но потом горячка возвращалась вновь. И вот со смерти его пошел уже четвертый день. А это значит – надежды больше не осталось, не осталось совсем никакой надежды…[11]

Если рассуждать трезво, то тут только одно можно сказать: не помогла Лазарю его горячая вера. Тот, кого называли другом Иисуса, мертв.

Однако же…

Есть то, что невозможно постичь рассудком. Есть то, что выше разума…

– Верую, Господи, верую, – горячо зашептала Марфа, заглядывая в наполненные страданием глаза Иисуса. – Воистину Ты есть воскресение и жизнь!

Она произнесла эти слова и вздрогнула.

Так небо очищается от облаков. Так утреннее солнце ласково согревает озябшую землю.

Так вмиг исцелилась от боли и душа ее.

– А где Мария? – спросил Иисус, отворачиваясь от ветра, растрепавшего Его длинные волосы. – Мне надо и ее увидеть. Ты приведи сюда сестру свою.

– Конечно, сейчас схожу за ней, – и Марфа вновь побежала в селение.

---

[9] Верхняя одежда, накидка с прорезью для головы.

[10] Платок с кистями, которым в храме покрывали голову.

[11] У иудеев существовало поверье, что в течение трех дней душа умершего человека еще находится рядом с телом и что возможно внезапное оживление. Поэтому воскрешение Лазаря именно на четвертый день символизировало в сознании тех людей исключительную победу над смертью.

«Он знает, Он всегда все про всех знает, – стучало в ее висках. – Наш дом всегда был и Его домом, мы всегда рады принять Учителя и учеников Его. Но сейчас у нас много чужих и не совсем добрых людей. Поэтому Он и не пошел прямо к нам, остановился у входа в Вифанию. Велик, всемогущ… Он точно Мессия!»

Отыскав сестру, Марфа наклонилась к ней и тихонько сказала:

– Учитель пришел. Он ждет тебя на краю селения. Поспеши же!

Слабо улыбнувшись, Мария направилась к двери. Но люди, сидевшие рядом с ней, вдруг тоже поднялись и пошли следом.

– Должно быть, отправилась она к склепу плакать по Лазарю.

– Надо и нам пойти туда, быть рядом, поддержать девочку.

– Не оставим же ее! Как убиваются сестры, бедняжки. Сначала схоронили отца и мать, потом – и брата. Лазарь все называл себя другом Христа. И что, помог ему его друг?

С трудом сдерживаясь, чтобы не закричать, Марфа с тревогой прислушивалась к разговорам направившихся за Марией людей.

Они ничего не понимают! Они вроде бы хотят выразить сочувствие – а их сердца полны злобы. Только бы они не набросились на Иисуса с камнями! Ярость и глупость некоторых людей настолько велики… А ведь и таких недалеких мужчин и женщин надобно любить. Грех в них не любить, а душу любить – так учит Иисус. Но как же сложно иногда следовать Его учению!

– Что-то поздновато поспешил Он на помощь! – раздался в толпе чей-то голос после того, как Мария приблизилась к Иисусу.

Марфа вышла вперед, готовая каждое мгновение защитить Учителя.

Однако, похоже, даже яростные враги Его решили удержаться от драки в такой печальный день.

– Господи, если бы Ты только был здесь – мой брат бы не умер, – в точности, как и Марфа, все повторяла Мария. По лицу ее текли слезы.

Глаза Иисуса тоже вдруг стали влажными, и вот уже из них льются тонкие хрустальные ручейки.

– Как Он любил Лазаря! Велика скорбь Его! – зазвучало в толпе.

– Где вы положили Моего друга? – хриплым голосом поинтересовался Иисус.

Мария указала рукой вперед:

– Пойдем, Господи!

«Как хорошо, что придет Он на могилу Лазаря, – думала Марфа, следуя за сестрой и Учителем к склепу. – Брат был бы доволен. Тот, кого он так любил, пришел и оплакивает его, и…»

– Отодвиньте камень, – Иисус кивнул на бежево-песочную скалу и обернулся к ученикам, сопровождавшим Его в некотором отдалении, а теперь приблизившимся. – Отодвиньте камень от склепа.

Марфа с Марией недоуменно переглянулись.

– Господи, но… – Марфа запнулась, пытаясь подобрать слова, которые не обидели бы Иисуса отказом выполнить Его просьбу. – Мой брат покоится там уже четвертый день. Сейчас жарко. Тело стало разлагаться, и… запах…

– Не я ли сказал тебе: если будешь веровать, увидишь славу Божию, – Иисус мягко улыбнулся и вновь указал рукой на склеп. – Камень уберите.

Когда ученики послушно выполнили, что требовал Учитель, удушливая сладковатая волна смрада от разлагающегося тела покатилась вперед.

«Бедный Лазарь», – Марфа заплакала, видя, как люди невольно начинают закрывать носы рукавами своих одежд.

– Отче! Благодарю Тебя, что Ты услышал Меня; я и знал, что Ты всегда услышишь Меня; но сказал сие для народа, здесь стоящего, чтобы поверили, что Ты послал Меня[12].

Иисус опустился на колени совсем близко от Марфы, поэтому она могла различить каждое слово его молитвы.

Пока Иисус молился, с небом произошло что-то странное. Ясное, безоблачное, вдруг все покрылось оно тяжелыми свинцовыми тучами.

– Сейчас будет гроза, – стали переговариваться люди.

Однако как только закончил Иисус молиться и поднялся с колен, через темную синь пробились лучи солнца – такие яркие, что глазам сделалось больно.

– Лазарь, встань! – произнес Иисус, вглядываясь в мрак склепа. – Встань и иди!

– Ага, сейчас! Разве может мертвец встать?! Да этот человек не в себе, – кто-то хихикнул в толпе.

Сердце Марфы тревожно сжалось.

Господи, пожалуйста, сделай так, чтобы над Иисусом не смеялись. Люди такие жестокие, и…

Мысли оборвались.

Марфа вдруг почувствовала, что не может вымолвить даже единственного словечка, только беззвучно шевелит ртом.

И вокруг не раздавалось ни звука.

Почти не раздавалось.

Из склепа вдруг вышел Лазарь. Руки и ноги его были связаны, как и полагается перед погребением, а лицо закрывала пелена.

Он шел маленькими неуверенными шажками.

В воцарившейся тишине эти шажки казались оглушительными раскатами грома.

– Развяжите его, пусть идет, – Иисус улыбнулся и подтолкнул учеников, стоявших рядом с Ним, как изваяния. – Эй, кто-нибудь! Уберите же шнуры с рук и ног Лазаря и платок с лица его! Он сейчас споткнется и упадет! А этого не надо ему, он довольно уже настрадался!

* * *

Я совершенно точно никогда раньше не видела мертвую сейчас женщину. Слишком яркая и безвкусно одетая – таким даже не надо прилагать никаких усилий, чтобы вонзиться в память досадной занозой. Ее лицо темно от автозагара, волосы выкрашены в радикально-черный цвет, помада цвета густой крови подчеркивает паутинку глубоких морщин. Рядом с телом свернулось клубочком розовое боа – и это при том, что покойница объята пламенем алого платья, расшитого пайетками. Зеленые босоножки дамочки вонзили бы последний гвоздь в гроб человека, хотя бы мало-мальски чувствующего сочетаемость цветов.

– Это Мариам, – объясняет оторопевшему Лёне ангел Саша.

Голосок у красивой малышки, естественно, тоже ангельский.

А моего сладкого демона, красавчика-экстрасенса, к которому меня тянет, как магнитом, что-то поблизости не видно.

Я этому рада.

Впрочем, нет: вранье. Я хочу видеть того парня больше всего на свете.

Бред, бред… Совсем из ума выжила на старости лет! Алла Пугачева на выданье: «Максим Галкин, ау, вот она я, а тебя где носит?»

Нет, все, довольно! С лирикой покончено!

[12] Евангелие от Иоанна, глава 11, стихи 41–42.

Решительно выметаю томно-любовный сор из своего сознания, пытаюсь концентрироваться на печальном текущем моменте.

В общем и целом с этой яркой и нелепой Мариам все понятно: убийство.

Судмедэксперт на место происшествия еще не подъехал, здесь пока работают только следователь, криминалист и пара оперативников. Но я уже точно знаю, что скоро продиктует мой коллега худощавому пареньку в синей форме. При составлении протокола осмотра места происшествия он услышит примерно следующее: «Уважаемый следователь, пишите – внешний осмотр трупа выявил явные признаки отравления ФОС».

Честно говоря, я не знаю, как можно при трезвом уме и ясной памяти отравиться фосфорорганическими соединениями – всеми этими карбофосами, хлорофосами и прочими веществами, используемыми для травли насекомых. Резкий неприятный химический запах инсектицидов не замаскировать, наверное, никаким спиртным, даже более крепким, чем шампанское. Столик с бокалами и бутылками находится в дальнем углу комнаты, труп лежит ближе к центру. Но даже на пороге помещения волна едкой вони чувствуется очень сильно.

Если отраву налили в бокал (а, по всей видимости, это было именно так, яд оказался в бокале жертвы, а не в бутылке – иначе тут уже разложился бы целый пасьянс из трупов), то почему Мариам выпила это «шампанское»? Да у нее от одного запаха должно было защипать глаза! Или убийца отравил другой напиток, который женщина выпила немного раньше, до вечеринки со съемочной группой?

Оборачиваюсь, ловлю взгляд мужа.

Леня едва заметно кивает на труп и шепчет:

– Трупное окоченение выражено резко. Зрачки сужены, желтушное окрашивание кожи. И запах карбофоса ни с чем не перепутаешь.

Всей кожей я чувствую: у мужа возникают те же вопросы, что и у меня. Как можно по своей воле хлебнуть отравы с таким ядреным запахом? К тому же, насколько я помню, карбофос – жидкость темного, коньячного цвета. При смешивании ее с шампанским цвет светлого напитка явно бы изменился… Может, вся съемочная группа только тем и занималась, что вливала в рот бедной Мариам яд, – а сейчас усиленно делает вид, что опечалена смертью женщины?

Но обсудить все это мы не успеваем.

Мне определенно нравится приехавший в «Останкино» следователь. Возможно, этот худенький парнишка с ежиком коротко стриженных русых волос даже не пишет откровенно идиотских вопросов на постановку судмедэкспертам.

Он стоит к нам с Леней, тихонечко прошедшим в комнату, спиной. Но, словно почувствовав наше присутствие, резко оборачивается, вопросительно вскидывает брови:

– Почему посторонние на месте происшествия?

Меня радует досада в его интонации. Не понты начальника, для которого все окружающие – дураки, нет, именно искренняя досада человека, которому мешают работать. Неужели еще остались следаки, которые действительно хотят делать свою работу хорошо?

Мы с Леней начинаем молча шарить по карманам джинсов, разыскивая служебные удостоверения.

И вот уже на бледных скулах паренька вспыхивают розовые пятна вины:

– Леонид Писаренко, тот самый! Мы же по вашему учебнику судебную медицину проходили. Приятно познакомиться, следователь Юрий Колосов. Но я все равно не понимаю…

Пускаюсь в формальные объяснения нашего присутствия в этой комнате и одновременно думаю о том, что я тоже многого не понимаю.

Ладно, оставим за скобками моего любимца, симпатичного экстрасенса с лицом молодого Тома Круза. Парень с такими синими глазами и манящим ртом после съемок нашел себе

занятие поинтереснее фокусов с отравленным шампанским. Сбежал, наверное, к длинноногой знойной красавице и сейчас радостно улучшает демографическую ситуацию.

Но где, например, участник из Беларуси Алесь Мацкевич? У него такая приметная блестящая шарообразная голова, укомплектованная чуть седоватой косматой бородкой. Не заметить такую невозможно. Но ее-то как раз сейчас и не видно!

Еще мне запомнился совсем молодой мальчишка вампирской внешности – с крашеными в иссиня-черный цвет волосами, в темной обтягивающей худощавое тело одежде. На его бейдже было написано «Эдвин». К нам в морг таких «эдвинов», скончавшихся от передозировки героина, привозят пачками. Где же сейчас этот парень?

Нет и Макса Ерофеева, симпатичного русоволосого ведущего… Хотя его напарница, Катя Романенко, не додумалась вовремя исчезнуть, и теперь вот, явно отворачиваясь от трупа, прислонилась к стене, обмахивает побледневшую мордашку салфеткой.

– Так они все сразу после окончания записи ушли. Извинились и ушли. У Макса была еще сегодня какая-то работа на другом проекте. Эдвин и Алесь вернулись в гостиницу – они сказали, что вообще не употребляют алкоголь, даже символически. Кстати, оба соврали – на самом деле пьют они, в рамках приличия – но употребляют. Алесь любит водочки после бани выпить, Эдвину нравятся алкогольные коктейли. А еще один участник «Ясновидящих»…

В ужасе прижимаю палец к губам.

Сейчас Саша скажет про красавчика «Тома Круза» и про мое к нему более чем романтичное отношение – а рядом стоит мой муж!

Девушка, бросив на меня понимающе-хитрый взгляд, кивает, давая понять: больше никаких ремарок.

Осознав, что скандала в связи с озвучиванием темы моей дурацкой влюбленности, не случится, я облегченно вздыхаю – чтобы уже через секунду опять испугаться до одури.

Всем понятно, что происходит?!

Этот светловолосый ангел читает мои мысли!

Да-да, это так – она словно бы ответила на незаданный вопрос. Она перечислила именно тех людей, о которых я думала.

Саша – действительно сильный экстрасенс, для которого мысли людей вообще не составляют никакой тайны?!

Впрочем, а чему удивляться – я же на проекте «Ясновидящие», продюсер Сергей Кононов рассказывал: кастинг проходил полгода, отбирали экстрасенсов с действительно большими возможностями, не доступными обычному человеку.

«Какая же она еще к тому же симпатичная! Нутром чую: мой Ленька на нее запал. Впрочем, муж у меня – мужик верный; глазами раздевает – руками не трогает. Надеюсь, и я такая же, просто полюбуюсь мальчиком с безмятежно-синим взглядом – и меня отпустит; никакого адюльтера, никакой грязи в нашем милом семейном гнездышке. Хотя… что же это я думаю такое?! Надо фильтровать базар, даже мысленный! А вообще, лучше спросить Сашу о другом. Пускай напряжет свои паранормальные способности и скажет: почему Мариам хлебнула карбофос? Когда мы с мужем сюда ехали, все гадали: отравление – не отравление? Действительно, иногда и на вскрытии не все поймешь, и гистология может вызвать больше вопросов, чем ответов. Но с Мариам произошел тот нечастый случай, который не заставляет судебного медика шевелить извилинами. Явное отравление инсектицидами встречается нечасто, никто по своей воле жидкость с таким запахом не выпьет, и маскировка тут не прокатит. Представляю, какая вонь будет стоять в секционной, когда эксперт начнет вскрывать Мариам. Вот пускай эта самая Сашенька и скажет мне…»

Она опять с невинным видом прерывает мои мысли:

– Мариам выпила отравленное шампанское потому, что находилась в трансе и выполняла приказ. Вся система ее чувств в тот момент не реагировала на внешние раздражители. Ничего,

кроме приказа, который стал всей ее сутью, для нее просто не существовало. Никто из нас запаха не почувствовал, так как во время съемок сгорел софит, и в комнате, несмотря на проветривание, жутко воняло паленными проводами. Подозреваю, этот пожар был неслучайным. Для большинства из нас не сложно вывести из строя любую технику. Кстати, бутылку с ядом еще не нашли – она на подоконнике стоит, за стопкой бумаг. Скоро ее обнаружит следователь и обрадуется, захочет снять отпечатки пальцев. Однако из этой идеи ничего не выйдет, отпечатков на бутылке не окажется.

Мое сердце стучит, как сумасшедшее. Из него рвется: «Кто же заколдовал Мариам?»

– Черный маг Петр Волков, – едва слышно прошептала Саша.

Меня поразило довольно спокойное выражение лица этой девушки.

Может, она пытается специально оговорить этого человека? Отводя подозрения от себя или другого участника программы?

Впрочем, я тут же попыталась остановить хлынувшую в моем сознании реку обвинений и вместо того, чтобы упрекать Сашу, мысленно поинтересовалась:

«А зачем Волкову убивать Мариам?»

С таким же бесстрастным лицом она ответила:

– А просто так. Волкову нужен скандал. Он несколько раз пытался попасть на «Битву экстрасенсов», но ему не повезло. На тех кастингах, куда он приходил, уже отбирали участников примерно его типа внешности. Проект «Ясновидящие» только начинается; сложно сказать, получится ли у нас стать достойными конкурентами «Битве». Волков решил устроить провокацию… Вот сейчас следователь закончит разговаривать с Кононовым. Наш продюсер пойдет в мужской туалет и оттуда позвонит знакомому журналисту. Сергей Николаевич пока еще очень испуган всем произошедшим. Но потом он подумает: а ведь это тоже можно использовать. Приедут журналисты… Волков выйдет сухим из воды, он очень успешно выступит на нашем проекте.

У меня внутри все дрожит:

– Деточка, откуда ты все это берешь?

– Я это вижу, так же отчетливо, как вижу вас. Позже появятся и другие жертвы. Вам будет угрожать опасность. Вы сильная, мы с вами подружимся. Волков – маг с безграничными возможностями.

У меня, судебного медика с железными нервами, по спине течет липкий пот безотчетного страха.

Очень хочется посмотреть на Волкова. И вместе с тем все крепче становится уверенность: именно теперь искать глазами этого бугая не надо.

Я испытываю такой ужас, что мне надо срочно покинуть эту комнату, подышать воздухом и хотя бы немного успокоиться…

Стараясь не привлечь внимания Лени, который о чем-то толковал со следователем Юрием Колосовым и продюсером Сергеем Кононовым, я вышла из студии и побрела куда-то вперед по бесконечно-длинному коридору.

Не знаю, сколько времени я иду по нему, иногда натыкаясь на спешащих по своим делам людей.

На моем пути появляется кофейный автомат.

Не чувствую вкуса напитка. Но все-таки от его тепла становится немного легче, и вот уже когти страха ослабляют свою хватку. Сразу же пользуюсь этим, пытаюсь рассуждать логически.

Допустим, Саша права, и женщину убил Волков. Но почему девчонка так уверена, что преступнику удастся выйти сухим из воды? Этого еще не хватало! Да он сто процентов где-то засветился: при покупке отравы, возможно, и при наливании ее в бокал. Конечно же, свидетели есть! В комнате, когда разливали шампанское, было полно народа. Кто-нибудь обя-

зательно видел, как Волков что-то там химичит с бокалами. А паренек-следователь, кажется, неплохой, хваткий. Докопается, и…

– Короче, дружище, тут у нас такое дело. Замочили одного из участников проекта. Я вначале заочковал конкретно. Метался, всех знакомых и не знакомых на уши поставил. А теперь прикинул: все не так уж и хреново. Можно даже сказать, вообще не хреново, наоборот – и плюсы свои во всей этой петрушке есть. Мы же все равно снять еще ничего не успели. Участников набрали, как чувствовали, на пару человек больше, чем надо. Сильный у нас состав, пытались их на стадии отбора как-то развести, может, кого-нибудь на второй сезон оставить. Но никак не выбрать, все хороши. Как в воду смотрели – одной женщиной меньше стало… Ну и вообще – шоу маст гоу он[13]; есть заказ от телеканала, есть бюджет и команда. Пришли мне поскорее кого-нибудь из репортеров, потолковее. Я решил – замолчать тему все равно не получится, «Останкино» – что большая деревня, никаких тайн друг от друга. Так что пускай лучше в твоей газете инфа пройдет. По крайней мере, я буду уверен, что никаких неточностей и наездов. А наших стервятников с телевидения, все эти криминальные хроники, только помани такой темой – сразу узнаешь о себе много интересного.

Я стою возле мужского туалета.

Подслушиваю разговор продюсера Сергея Кононова.

Мне очень хочется убедиться, что Саша ошибается в своих предсказаниях, что не будет ни новых жертв, ни угрозы для меня.

Я вслушиваюсь в нервный шепот и надеюсь услышать какие-то другие слова, не те, о которых мне уже рассказала ясновидящая с лицом ангела.

Знаете что – ангелы, похоже, не ошибаются.

И это ужасно…

* * *

Съемочная группа

Сергей Кононов, продюсер проекта «Ясновидящие». 43 года. Окончил ВГИК, также учился в США на сценарных курсах. Дважды разведен, есть дочь от первого брака. Имеет погашенную уголовную судимость за незаконные валютные операции в 1991 году.

Максим Ерофеев, ведущий проекта «Ясновидящие». 27 лет, окончил факультет журналистики МГУ. Привлекался к административной ответственности за драку в состоянии алкогольного опьянения. Официально не женат, платит алименты на дочь от популярной певицы Герды.

Екатерина Романенко, ведущая проекта «Ясновидящие». 25 лет, окончила факультет журналистики МГУ, школу журналистики в Лондоне. К уголовной ответственности не привлекалась. Лишена прав на управление транспортным средством за езду в нетрезвом виде. Отец Екатерины – Владислав Романенко, топ-менеджер крупной нефтегазовой компании «Магнат». Разведена, детей нет.

Захар Быстров, режиссер проекта «Ясновидящие». 56 лет, окончил ГИТИС, более 10 лет проработал на «Мосфильме». Состоит на наркологическом учете в связи с алкоголизмом. Близких друзей не имеет; коллеги отзываются о нем негативно, так как, несмотря на профессионализм, Быстров отличается склочным характером. Женат, трое детей.

Элеонора Фридман, ассистент по техническим вопросам, 23 года. Окончила торговый техникум, на телевидении работает полгода. К уголовной ответственности не привлекалась. Среди коллег характеризуется положительно. Не замужем, детей нет.

[13] «Должно продолжаться» (*англ.*).

Дмитрий Ванин, оператор, 30 лет. Окончил курсы операторов в Санкт-Петербурге, получил ряд престижных журналистских наград за репортажи из «горячих точек». Ушел из «Новостей», выходивших на центральном канале, в частную телекомпанию, занимающуюся производством программ. Среди коллег характеризуется как человек молчаливый и замкнутый, склонный к неконтролируемой агрессии. Не женат, к уголовной ответственности не привлекался. По слухам, имеет связи в ФСБ, возможно, завербован накануне поездок в Чечню и Дагестан.

Анастасия Маркова, менеджер по работе с участниками проекта «Ясновидящие», 21 год. Учится заочно на факультете биологии МГУ. Работает недавно, на испытательном сроке. К уголовной ответственности не привлеклась, не замужем, детей нет.

Ура!

С первым листом покончено.

– И чему это моя ехидна улыбается? – интересуется муж, насыпая кофе в турку. Вдыхая бодрящий аромат, он с наслаждением закрывает глаза и недоуменно продолжает: – Ты же вроде серьезный документ читаешь, не комиксы!

Мы сидим на нашей кухне вшестером: я, Леня, следователь Юра и три наши собаки-дворянки. Вообще-то собачатинам в этот или очень поздний, или слишком ранний час полагается сладко посапывать. Но в доме – чужой человек. Поэтому наши песики, отчаянно борясь с зевотой, выглядывают то из-под стола, то из-за стула. И, убедившись, что все под контролем и чужак не причиняет вреда любимым хозяевам, выразительно косятся на стол. По собачьим меркам, он ломится от угощений – шоколад, печенье, бутерброды. Собаки прекрасно знают, что им не на что рассчитывать. Мы не балуем наших питомцев всей этой выпечкой и колбасами, которые, мягко говоря, не полезны для их пищеварения. А это, по мнению псов, просто ужасно, но всегда можно легко исправить…

– Да так, смеюсь сама над собой. Вроде проницательная мадам, профессия обязывает любые мелочи замечать. Но я не могу вспомнить некоторых людей из этого списка. Например, режиссера Захара Быстрова. Оператора Дмитрия припоминаю – высокий такой парень, симпатичный. Ему бы самому в кино сниматься: волосы светлые, глазищи огромные, высокие скулы. Такое лицо – дворянин, белогвардеец, интеллигент вроде Олега Янковского. В общем, кинематографическая внешность, а он всего лишь оператор. И с «горячими точками» тоже как-то не монтируется – кажется совершенно домашним мальчиком. Элеонору, вроде, припоминаю – что-то молодое, шустрое и энергичное, смерч, вихрь. Но ни лица, ни цвета волос в памяти.

Во время моего спича Юра жадно поглощает огромный бутерброд с ветчиной.

Потом перебивает – прямо с набитым ртом:

– Так этого режиссера вообще почти никто не видел. В той студии у него комнатка наверху, с мониторами. Быстрова никто не видит, зато из его каморки отлично просматривается все, что происходит в студии. К тому же и изображение передается ему под нос. Элеонора эта в бандане была, так что я тоже насчет ее волос ничего конкретного не скажу. А вот вторая девочка, Настя Маркова, – ничего, такая блондиночка. Она вообще-то должна выполнять всякие поручения участников программы, если им понадобится что-то, если какие-то вопросы возникнут. Но пока экстрасенсы ее не напрягают, времени у нее куча, и наблюдательная она. Показания мне дала очень подробные… А классно, что у меня кореш в останкинской службе безопасности работает! В два счета досье удалось получить!

Мы с Леней понимающе переглядываемся.

Мы уже готовы зашипеть, как гадюки, по поводу этого судьбоносного «досье», наше циничное судебно-медицинское сознание только что закончило синтез первоклассной порции яда.

Досье, ты ж понимаешь! Зря только бабки платят в этой службе безопасности! Ну, подумаешь, имеет этот Юрин корешок связи в МВД, доступ к полицейской базе. Указал, кто при-

влекался к уголовной ответственности и кого бог пока миловал. А что дальше? Где конфиденциальные сведения из надежных источников; сплетни, слухи, аналитика, психология? Скромненько все, очень-очень скромно и непритязательно.

И в любой другой ситуации я или Ленька не утерпели бы, озвучили все эти мысли всенепременно.

Но у Юры глаза блестят от счастья. Он так горд собой и своими «связями». Он даже не спросил у подъехавшего в «Останкино» судебного медика, является ли произошедшее с Мариам самоубийством – неслыханное для нынешнего поколения следаков дело.

Мы ехидные, но великодушные. И не пьем кровь новорожденных младенцев, и не отравляем их своим ядом.

– Еще у меня есть информация по участникам, – Юра с торжественным видом передает мне новый листок. – По всем экстрасенсам, которые будут сниматься в «Ясновидящих».

Боль снова начинает увлеченно играть в дартс с моим сердцем.

Я стою на краю пропасти.

Еще пара секунд – и имя красавчика-экстрасенса впорхнет в мою душу, как заманчивая экзотическая и недоступная бабочка.

Впрочем, ладно, решено: шагаю прямо в ад. Чему быть – того не миновать.

В конце концов, даже если бы Ленька не пригласил этого парнишку-следователя к нам на кофе, я все равно рано или поздно узнала бы это проклятое имя.

Можно было бы, конечно, сейчас сдрейфить. Сделать вид, что падаю в объятия Морфея, сонно позевать, потереть глаза. И – то, ради чего, собственно говоря, и затевался весь этот спектакль – отложить листок с его именем, с моим приговором.

Не буду врать.

К тому же это не только противно, но и бессмысленно: все мы – профессионалы, все мы привыкли, что порой приходится работать ночь напролет. И наши организмы к бессонным ночам прекрасно адаптировались.

Итак…

Состав участников проекта «Ясновидящие»

Сайяф Раббани, 27 лет. Приехал в Россию из Афганистана, окончил медицинский институт, работает в Москве стоматологом. Владеет навыками ясновидения, целительства, телекинеза[14]. Может лечить пациентов дистанционно, по фотографии.

Алесь Мацкевич, 53 года. Живет в Беларуси, по образованию – радиофизик, работает бухгалтером. Экстрасенсорные способности открыл в себе после занятий карате и айкидо. Обладает кожным зрением[15], владеет навыками телепатии, целительства; снимает сглаз и порчу.

Гинтаре Прунскене, 56 лет. Приехала для съемок проекта из Вильнюса. Называет себя «православной целительницей», при лечении больных пользуется традиционными славянскими знахарскими техниками. Имеет 3 ступени посвящения «рейки», прошла все уровни обучения «универсальной энергии».

Денис Муратов, 33 года. Москвич, окончил психологический факультет МГУ. Мастер НЛП, коуч-тренер, специалист по гештальт-терапии и методу семейных расстановок по Хэллингеру, автор методик личностного роста. Свои экстрасенсорные способности открыл во время приема пациентов как психотерапевт.

Денис…

Прекрасное имя: многообещающе сильное, но без грубого глупого напора.

[14] Перемещение предметов без прямого прикосновения рук.

[15] Способность видеть без глаз.

Муратов, Муратов… я вижу в этой фамилии примесь восточной крови. Это явно она сделала его кожу оливково-смуглой, подчеркивающей ледяную синь взгляда.

Блин, напрасно я надеялась, что красавчик-экстрасенс, по крайней мере, старше моего сына. Увы…

От любовных грез меня спасают собаки.

Наверное, Юра украдкой дал кусочек самой главной псинке в нашей стае – рыжей лохматой Лайме. Черный гладкошерстый Бося, Босяк наш любимый, просек: да тут угощение раздают! И так быстро побежал к гостю, что задел стул, под которым дремала Дина, серенькая интеллигентная собаченция с потешным белым пятном на мордочке. Дина спросонья ничего не поняла, но профилактически рыкнула на Босю, тот оскалился на Лайму.

– Юра, если хотите угостить наших псов – я вам отрежу кусочек сыра, – объясняет муж, подходя к холодильнику. – А белый хлеб и колбасу не надо им давать. Там столько химии – только люди все это, наверное, еще могут переваривать; впрочем, тоже не без риска для здоровья.

Муж режет сыр, а я, немного упокоившись, продолжаю чтение.

Алиса Катаева, 15 лет, учится в школе в городе Мурманске. Стала развивать экстрасенсорные способности после просмотра программы «Битва экстрасенсов». Блестяще прошла кастинг, выполнила все задания без единой ошибки и очень быстро. Приехала в Москву на проект с мамой.

Мариам (Мария Гладышева), 47 лет. Называет себя потомственной ведьмой, ведуньей. По образованию – актриса. Задания кастинга проходила очень долго, с большим количеством ошибок. Однако попала в число участников за особый артистизм, яркие костюмы, эксцентричную манеру поведения.

Эдвин (Эдуард Ремизов), 19 лет. Студент МАИ. Отобран на кастинге в г. Москве. Говорит, что свои экстрасенсорные способности получил от темных сил, после выполнения ряда магических оккультных ритуалов. На кастинге продемонстрировал явное умение получать информацию от умерших людей. Уверяет, что может после выполнения определенного ритуала оживить погибшего человека.

Александра Ремизова…

– Еще одна Ремизова? Так они – брат и сестра? – невольно восклицаю, прерывая чтение. – Или однофамильцы? Они такие разные внешне!

Следователь пожимает плечами:

– Если хорошенько умыть этого самого Эдвина, возможно, они даже будут похожи. Я не успел еще допросить этого парня, но видел его фото в базе участников проекта. Он же раскрашен, как матрешка, – эти его черные волосы, черный лак на ногтях, подведенные глаза. Смешно, конечно, все это выглядит. Но мне рассказали, что у него действительно очень сильные способности. И да – они с Сашей – брат и сестра, только их отобрали на разных кастингах. Девушку, кажется, где-то в российской глубинке обнаружили.

Софи Марсо отечественно-провинциального разлива?

Смешно! Да все шмотки девчонки, при их явной неброской простоте, – это брендовые вещи, которые еще не в каждом крутом московском бутике отыщешь.

Впрочем, что там с другой информацией об этом ангелочке?..

Александра Ремизова, 21 год. Окончила частную среднюю школу в г. Москве, жила на послушании в женском монастыре в г. Сергиев-Посад. На кастинге продемонстрировала умение читать мысли людей, очищать загрязненную воду, лечить простудные и некоторые другие заболевания.

Опять я понимаю только то, что ничего не понимаю.

Софи Марсо в монастыре? Да ведь это грех: отрекаться от жизни вместо того, чтобы ею наслаждаться!

Впрочем, во всем этом есть один плюс – уж монашка-то, наверное, вряд ли разрушит мое семейное гнездышко. Главное – самой дров не наломать…

– Что-то ты долго читаешь, – Леня отставляет пустую кофейную чашку и, вздохнув, тянется за очередной шоколадной конфетой. – Там так много участников?

– Было много. Но ты же в курсе: их потихоньку становится меньше, – бормочу я и дочитываю информацию уже по диагонали.

Кто там у нас остался?

Черный маг **Петр Волков**. Ага, про него точно можно говорить: «Тамбовский волк тебе товарищ». Мужчина прибыл к нам именно из Тамбова. Хм, ему 38 лет всего – а выглядит намного старше!

Банковский работник **Ирина Козлова**, из Санкт-Петербурга, 45 лет. Экстрасенсорные способности в себе открыла во время нападения грабителей на банк.

И последняя в списке барышня – цыганка **Евсения Аржинт** из Молдовы, 42 года.

Еще пара секунд, и резюме:

– Получается, для участия в проекте отобрали одиннадцать экстрасенсов. Теперь их осталось десять.

– Вот не успел спросить у Кононова, будет ли он продолжать съемки, – Юра потянулся, расправляя затекшую спину, и погладил по рыжей лохматой голове Лайму, явно ожидающую нового угощения.

Вспоминаю подслушанный разговор и уверенно заявляю:

– Конечно, будет. Более того, он даже рад, что случилось это убийство. Собирается его использовать как информационный повод, вот мразь!

На физиономии Юры появляется хитрое торжествующее выражение:

– Да ладно вам на продюсера бочки гнать. В конце концов, он должен делать свою работу – в любых условиях. А следствие, я уверен, будет недолгим.

Леня недоуменно вскидывает брови:

– Недолгим?

Наш юный гость торжествующе улыбается:

– Мне удалось поговорить с Петром Волковым. Правда, я не знаю, как оформить все это… Все-таки у него очень специфические показания… В общем, у Волкова получилось, как он сказал, войти в прошлое. И он увидел там, кто именно отравил шампанское в бокале Мариам. В это невозможно поверить… И, конечно, все это требует проверки…

Когда следователь называет имя, мне кажется, что у меня начались проблемы со слухом.

Переспрашиваю, и…

Саша.

Монашка, Софи Марсо, прекрасный ангелочек.

Она умеет читать мои мысли.

Неужели она умеет и убивать?

Девушка обвинила в убийстве Волкова. Тот в долгу не остался – обвинил ее в том же самом.

И как во всем этом разобраться?..

* * *

– Молоко в холодильник поставьте, – не отрывая глаз от монитора, говорю я вошедшему в кабинет человеку. – Сейчас все будет готово, и…

До меня доплывает волна легкого запаха туалетной воды мужа, и я невольно улыбаюсь.

Все-таки хорошо работать рядом с супругом! Сегодня у меня в кабинете закончился кофе. А тут с утра пораньше – труп с подозрением на криминал. Следователь рвет и мечет.

У него отпуск намечается, и парню срочно надо знать, что делать: писать постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с естественными причинами смерти или начинать расследование преступления. Я обещала оперативно разобраться с этим вопросом, провела вскрытие и сейчас печатаю акт экспертизы. Конечно, окончательные выводы делать еще рано, нет результатов гистологии. Но в общем и целом картина мне ясна: смерть молодой женщины наступила от миокардиодистрофии с развитием острой сердечной недостаточности и отека легких. 23 года всего – и уже проблемы с сердцем! Что происходит со здоровьем нашей молодежи, это же просто в голове не укладывается! Конечно, когда такой молодой человек умирает – невольно возникают подозрения в криминальном характере смерти. Судя по протоколу осмотра места происшествия, муж у девочки имелся, не совсем трезвый на момент трагедии. Если бы он сообразил, что жене плохо, – может, девушку удалось бы вытащить. Впрочем, для любого морга такие досадные оплошности – обычное дело, со счастливчиками и везунчиками мы дел не имеем…

Зашиваюсь в работе, и очень хочется кофе. Все-таки бессонная ночь дает о себе знать. А Ленька – настоящий джентльмен. Вообще-то у него отпуск, еще пару недель может гулять. Но он привез меня на работу, а теперь вот еще и в соседний магазинчик сбегал.

Леня включает чайник, насыпает в чашку пару ложек кофе – и весь кабинет наполняется горьковато-шоколадным ароматом.

Как же обалденно пахнет!

– Ты моя любимая взяточница, – муж подошел к столу, поцеловал меня в щеку и покосился на монитор: – Что там у тебя сегодня? Опять убийство?

– Не убийство… Не ерничай насчет взяток, а то я опять заведусь! Пакет молока – тоже мне взятка. И, кстати, мне кажется, что у меня достаточно бюджетные пристрастия в плане знаков благодарности. Если бы я любила коньяк, следакам пришлось бы тратиться побольше!

Мне хочется еще выпалить, что вообще-то можно также требовать за мелкие услуги корм для собак и говяжьи косточки – в собачьем приюте все это здорово пригодится.

Но муж, переместившийся к окну, вдруг удивленно восклицает:

– Что за ерунда?! Рыжая, ты только посмотри, что она делает с нашим «тушканом»?!

Честное слово, я не знаю, как ответить на этот вопрос.

Возле нашей серенькой машинки находится темноволосая женщина в яркой цветастой юбке и некрасивой, грубо сшитой кожаной куртке. Она обходит «паркетник» по кругу, что-то шепчет и швыряет на капот горсти песка.

– Да я ей сейчас шею сверну! – бормочет Леня и бросается к двери. – Тоже, блин, придумала: тачку нашу какой-то хренью обсыпать!

Лечу за ним следом и на ходу вдруг вспоминаю, что уже видела эту странную женщину. Это цыганка Евсения Аржинт, участница проекта «Ясновидящие».

– Как могильная земля тянет в могилу, так и ты потянешь на тот свет хозяйку машины Наталью, и…

Увидев нас с мужем, цыганка замолкает и, вздрогнув, удивленно оглядывается по сторонам. Потом в ее глазах появляется нескрываемый ужас. За секунду она успевает плюхнуться передо мной на колени, поцеловать мою руку, залиться слезами.

– Я не хотела наводить на вас порчу. Да вы что, я вообще никогда этого не делаю, – голосит цыганка и пару раз звонко припечатывается лбом о землю. Мне даже кажется, я слышу хруст костей, и невольно думаю о том, что если череп треснет, то санитарам будет меньше возни с распиливанием черепной коробки. – Это против меня наколдовали. Чтобы пришла я сюда как будто бы порчу наводить, а вы бы меня увидели и прогнали с передачи. Для того, чтобы человека со света сжить, к его машине не нужно подходить… Но я здоровьем дочки клянусь – я никогда, никогда…

– Слушай, а не послать ли тебе это телевидение подальше? – муж кивает на рыдающую женщину и недоуменно разводит руками: – Да это же полный сюр, тут и крыша поехать может! Ну их к лешему, деньги эти. Если тебе так нужны финансы для собак, давай нашу заначку потратим! Это, конечно, совершенно не практично. Но здоровье-то дороже!

Конечно, Леня прав: за последние дни на нас обрушилось столько негатива, что даже крепкие нервы не выдерживают.

Впрочем, именно в этот момент я почему-то совершенно отчетливо понимаю: на меня надвигается буря такой сокрушительной силы, что какие бы решения я сейчас ни принимала – это уже ничего не изменит. Я могу отказаться от съемок, я могу остаться на этом проекте – все это ничего не изменит. Моя судьба уже – всего лишь карта в темном пасьянсе чьих-то интересов, и он уже начинает раскладываться независимо от моих действий…

Глава 3

Около 30 года нашей эры, Вифания, Лазарь

С самого раннего утра в доме кипит работа.

Мария печет хлебные лепешки, Марфа занимается рыбой и мясом. Готовя еду, сестры переговариваются, спорят, в какой лавке лучше купить овощи к столу, кто из продавцов может предложить самого свежайшего сыра.

Это все радостные хлопоты. Ведь недавно в Вифанию пришел гонец от Учителя, принес хорошую новость. Направляясь в Иерусалим на Пасху, Иисус с апостолами зайдут и в Вифанию, проведут ночь здесь.

Как же хочется опять увидеть Учителя, послушать его неспешные странные разговоры! И еще очень хорошо, что многие люди, которые идут теперь в Вифанию, узнав о произошедшем здесь чуде воскрешения, тоже смогут исцелиться. Ведь самая тяжелая болезнь отступает, стоит только страждущему с искренней верой прикоснуться хотя бы к краю одежды Иисуса.

Спокойно на душе. Радостно. Только вот…

По телу Лазаря, занятого починкой скамьи, вдруг прокатилась волна ледяной дрожи.

– Что, опять эти видения? – участливо поинтересовалась Мария, прекращая раскатывать тесто.

Вздохнув, Лазарь кивнул и пробормотал:

– Чувствую теперь я себя очень хорошо. Как будто не было ни болезни моей, ни жара, ни слабости. Я даже не понял, что делался мертвым. Просто уснул, а потом проснулся, встал и пошел вперед. А там…

Он сглотнул подступивший в горлу комок и снова словно бы увидел ту чернильную темноту, озаряемую пламенем факелов. Вначале еще ничего различить в ней было невозможно, кроме разве что языков огня, извивающихся во мраке. А потом в темноте вдруг забелела изможденная фигура человека. Мужчина тот, в одной лишь повязке на худых бедрах, был прикован к скале. Подле него на цепи болталось золотое блюдо.

– Ты взял чужое, ты отдашь свое, – как будто бы прокричал черный ворон, выклевывающий куски плоти стонущего мужчины.

Нет, птица та не говорила человеческим голосом. Но ее карканье понималось так же легко, как если бы зловещий ворон с отливающими синевой перьями изъяснялся настоящими словами.

На том месте, куда вгрызался мощный клюв, образовывалась окровавленная ямка. Однако это продолжалось лишь несколько мгновений. Затем вместо раны непонятным образом вновь появлялась неповрежденная кожа, потом птица опять впивалась в нее клювом, делая внушительную дырищу. Мужчина все стонал, и длилось это вечность, и конца этому все не было.

Со всех ног Лазарь побежал вперед, стараясь как можно скорее забыть про страшную птицу и мучаемого ею мужчину. Но уже совсем скоро вновь довелось ему замереть в оцепенении.

Перед ним, в огромном костре, заживо горела девушка. Лопалась кожа, трещали волосы, тошнотворный запах горящего тела заполнял все вокруг. Рядом с костром стояла еще одна девушка – тоже молодая и очень красивая. Огонь почему-то не причинял вреда ни плоти ее, ни одежде. Стоявшая рядом с костром протягивала руку той бедняжке, что корчилась в яростном пламени, а потом отдергивала ее, не давая жертве возможности избежать мучений. С ехидной улыбкой не боящаяся огня девица повторяла: «Какой мерой ты меряешь – такой и тебе

отмеряно будет. Могла ты спасти из огня свою подругу, а не спасла, потому что завидовала красоте ее и богатству той семьи…»

Вздрогнув, Лазарь устремился вперед.

И видел он мужчину, которому все отрубали и отрубали голову. Голова, отделенная от тела, глупо хлопала глазами, изо рта вырывался нечеловеческий крик – а потом вновь тело мужчины становилось целым и неповрежденным, но только лишь до нового взмаха топора. Должно быть, когда-то тот мужчина сам зарубил человека и теперь суждено ему вечность переживать нескончаемые муки жертвы.

А еще была там красивая женщина, изменившая мужу, – ее постоянно насиловала и била череда каких-то страшных зловонных созданий, напоминавших мужчин только своим естеством. Тела же их покрывала грязная темная шерсть, как овечья, только черного цвета. И глаза светились красным.

Затем впереди показалось болото, в котором тонули тысячи людей. Они пытались выбраться, размахивали руками, отталкивая друг друга. И чем больше старались люди освободиться – тем быстрее уходили под жирную грязь.

Булькают пузырьки на тех местах, где совсем недавно виднелись головы. Темная вязкая поверхность на мгновение замирает – и вот уже опять болото полно людей, они хватают ртом воздух, пытаются вырваться. Нескончаемый поток смерти, и выхода нет.

– Они в Бога не верили, жизнь праведную не вели и думали, что после смерти и нет ничего, – рядом с Лазарем вдруг оказался жирный черный кот.

Как и ворон, он тоже говорил нечеловеческим языком и как будто бы мяукал – но все, что он хотел сообщить, каким-то непостижимым образом становилось совершенно понятно.

– По вере твоей да воздастся тебе, – кот, распушив хвост, стал мурлыкать и тереться о ноги Лазаря. – Сейчас проверим, не здесь ли твое место!

Коварное животное мигом вцепилось юноше в плечо, потом в спину, понуждая сделать шаг прямо в опасное болото.

Не успев ничего подумать ни о своей вере, ни о гнусном коте, Лазарь угодил в вязкую ледяную жидкость. Попытался выбраться из нее и с ужасом почувствовал, что ноги тянет вниз и что надо сделать глубокий вдох, потому что сейчас начнется мучение неимоверное.

Оно начнется, должно начаться.

Но воздуха вдруг почему-то становится много, куда больше, чем прежде.

А еще есть солнце, теплое, согревающее. А болота под ногами нет – хотя щиколотки все еще придерживает непонятно откуда взявшаяся тугая веревка, мешающая шагать широко. Лицо почему-то завязано плотным куском ткани, вроде талита.

– Развяжите ему ноги, пусть идет!

От голоса Учителя сразу становится легче.

Все, страшный сон закончился. Пробуждение прекрасно! И все теперь будет хорошо. Иначе и быть не может, когда Иисус рядом!

– Забудь обо всем, Лазарь, – вытерев руки от муки, Мария приблизилась к брату и обняла его. – Теперь ты жив, Господь спас тебя! Он спасет и всех людей, уверовавших в Него. И тех мучений, которые ты видел в загробном мире, не будут больше испытывать люди!

На нежном личике сестры появилась счастливая улыбка. Лазарь попытался улыбнуться ей в ответ и с ужасом в очередной раз убедился: губы больше не растягиваются в привычном движении.

Увы, он больше не может улыбаться. Как и не сможет, похоже, никогда изгнать из памяти видение адских мук.

– Идут, идут! – радостно провозгласил вбежавший в дом соседский мальчик. – Уже показались они на склоне горы, скоро будут в Вифании ваши гости.

– А у нас еще работы непочатый край! – Марфа вручила пареньку хлебную лепешку и нахмурила брови: – Лазарь, Мария, что же вы не работаете? Потом будете разговаривать, а сейчас – за дело!

Как оказалось, сестра гневалась совершенно напрасно. К приходу гостей все было готово. Лазарь успел починить скамью и сбегать в лавку за сыром и овощами, Мария закончила печь хлеб, а Марфа выложила на блюда зажаренное мясо и рыбу и спустилась в погреб за самым лучшим вином.

Когда в дом вошел Иисус, Лазарь смутился.

«Так всегда бывает, когда я вижу Его, – думал он, наблюдая, как Учитель и апостолы, поприветствовав сестер, омывают руки, готовясь к трапезе. – Столько всего сказать Ему хочу, столько спросить.

Но стоит только взглянуть на Него – все вопросы вылетают из головы. Или даже нет, не так. Я словно бы получаю ответы на них, безмолвно. И так спокойно становится на душе, что даже и описать этот покой невозможно».

Благоговея и замирая от счастья, Лазарь приблизился к Учителю, сел подле Него.

– Какой вкусный хлеб, – похвалил кто-то из учеников Его. – Кто бы ни пек этот хлеб – этот человек знает свое дело.

Лазарь собирался было сказать, что хлебными лепешками занималась Мария. Но тут и сама сестра появилась в покое. В руках у нее был тазик и две небольшие амфоры.

Улыбнувшись, она опустилась на колени возле Иисуса и стала омывать ноги Его самым лучшим нардовым маслом.

Лазарь с Марфой понимающе переглянулись. Так вот о каком приятном секрете для Учителя говорила накануне Мария! И правда, хорошо сестра придумала с этим маслом! Весь дом наполнился превосходным ароматом мирра!

Конечно, этой малостью не отблагодарить Иисуса за то, что Он сделал для их семьи, за то, что делает Он для всех людей. Но все-таки тем самым сестра и удивила, и порадовала Иисуса…

Закончив лить масло, Мария сняла с головы платок и стала вытирать ноги Учителя своими длинными густыми волосами.

– А ведь это масло можно было продать за триста динариев!

Лазарь обернулся, чтобы посмотреть на ученика, говорящего такие глупости.

То возмущался Иуда Искариот.

«Странно, всегда казалось, что он наполнен такой искренней любовью к Учителю!» – пронеслось в голове у юноши.

Иуда же тем временем ворчливо продолжал:

– Да, такое чистейшее масло можно было продать не меньше чем за триста динариев. Полученные деньги пригодились бы нищим и вдовам, а еще…

– Не ругайтесь на нее, – перебил Иисус, ласково глядя на Марию. – Она приберегала это масло на день моего погребения. Нищие всегда будут рядом с вами, и вы всегда сможете им помогать. Меня же рядом с вами скоро уже не будет.

Лазарь сжал кулаки так, что побелели костяшки пальцев.

Да что же это Он говорит такое?!

Нет, нет, так не может быть, так не должно быть!

Учитель – это свет, это жизнь.

Если погаснет солнце – то что тогда случится со всеми людьми?..

* * *

– Всю ночь ревела, да?

Мне так плохо, что я даже не могу прокомментировать совершенно неуместное «тыканье» девчонки-гримерши. Вообще-то барышня, которая сейчас наносит на мое зеленое лицо со щелочками вместо глаз тональный крем, намного младше моего сына. Возможно, под настроение я бы поехидничала над любительницей панибратских обращений. Однако сейчас у меня вместо сердца – кровоточащая дырка. Хочется накрыться с головой одеялом, никого не видеть, ни с кем не разговаривать. Не знаю, как буду принимать участие в съемках, сил, кажется, вообще нет.

Пытаюсь поддерживать разговор гордым враньем:

– Ничего я не ревела. Просто у меня аллергия.

– У наших ведущих каждый день такая аллергия. Бросит девочку парень, у нее сразу же глаза на мокром месте. А я считаю, спокойнее надо на мужиков реагировать. Если по каждому козлу убиваться – все лицо в морщинах будет!

– Но у меня действительно аллергия…

А может, в каком-то смысле я не очень-то вру? У меня аллергия на мужа. На некоторые привычки мужа – если быть точнее. На меня нельзя давить! Нельзя! Я могу вынести все, что угодно. Я могу быть верным рубаха-парнем, роковой красоткой, терпеливой сиделкой или суперкулинаром. Могу работать в режиме нон-стоп, жить без денег, забить на бытовой комфорт. Но, пожалуйста, не надо заставлять меня делать то, что я считаю невозможным.

Я не могу бросить этих дурацких «Ясновидящих».

Да, сдуру купилась на большой гонорар, на возможность помочь собачьему приюту.

Да, мне страшно. Я слишком многого из происходящего здесь не понимаю. Я не знаю, как можно было заставить Мариам выпить карбофос, как можно было вынудить Евсению ломануться при белом свете «наводить порчу» на «тушкана». Конечно, такие вещи, которые на уровне логики объяснить невозможно, заставляют чувствовать себя слабой, уязвимой.

Но я не могу бросить эту программу! Потому что людям, находящимся тут, возможно, угрожает опасность; потому что мне банально любопытно во всем разобраться. И – самое главное – я никогда не позволяю себе трусить, даже если очень хочется, даже если это разумно. Я просто не смогу жить с ощущением того, что я сдрейфила и отступила…

А ведь Ленька знает меня как облупленную. Знает, и обычно принимает со всеми моими тараканами.

Зачем тогда было провоцировать ссору, настаивать? Он же понимает: я не умею, не привыкла ездить по жизни «задним ходом». С точки зрения результата КПД разборок – ноль целых, ноль десятых. Но мы наговорили друг другу столько горьких несправедливых слов, что всю душу, кажется, заволокло едким дымом…

«Ты себя ведешь, как маленькая упрямая девочка! – орал муж, крутя пальцем у виска. – Так Димон в магазине на пол валился и визжал, что хочет машинку!»

Я ревела и улыбалась одновременно. Наш сын внешне очень похож на Леньку, и в тот момент как раз именно кричащий муж напоминал вредничающего сынишку.

Оба мы хороши! Наверное, никогда не повзрослеем. Никогда не научимся контролировать свои эмоции, идти на компромисс и допускать за близким человеком право принимать решения, противоречащие собственным критериям…

– Нравится?

Вздрагиваю от звенящего над ухом голоса, бросаю машинальный взгляд в зеркало и с облегчением подмигиваю своему отражению.

Да я выгляжу просто роскошно! Свежий цвет лица, высокие скулы, огромные глазищи и пухлые губы – ничто больше не напоминает зареванную, хлюпающую носом женщину.

Благодарно улыбаюсь талантливой визажистке, встаю с кресла и тороплюсь в центр комнаты. Там режиссер программы как раз объясняет съемочной группе, что нам всем предстоит делать.

В Захаре Быстрове нет ничего ни быстрого, ни энергичного.

Невысокий дядечка с «пивным» животиком, боковыми залысинами и маленькими сонными глазками; одетый в мешковатые вытертые джинсы и свободный свитер. И даже голос у него тихий, сонный. Не соответствует человек своей фамилии, вот просто ни капельки!

– Итак, повторяю, – он бросает на меня равнодушный взгляд и продолжает бубнить: – Повторяю для вновь прибывших. На испытании участники программы из шести запечатанных конвертов с фотографиями должны выбрать один, тот самый, в котором находится снимок убитого парня. Если выбор конверта сделан правильно – то дальше экстрасенса надо спросить о том, как именно погиб парень. Мать погибшего сейчас на гриме. Мы сможем начинать через десять минут. А пока пусть ведущие подводку запишут.

У меня невольно вырывается:

– Так ведь первый же экстрасенс, прошедший испытание, сможет разболтать остальным участникам все подробности!

Оператор Дима Ванин, высокий, красивый, как греческий бог, недоуменно пожимает плечами:

– А это совершенно не в их интересах! Они все – конкуренты. До окончания съемок все экстрасенсы будут находиться в двух помещениях: одна комната для тех, кто уже прошел испытания, и вторая – для тех, кто ожидает записи. У них забрали сотовые телефоны. Даже в туалет их будет сопровождать кто-нибудь из наших. Впрочем, они и сами не горят желанием делиться подробностями друг с другом. Сам сегодня слышал, многие радовались смерти Мариам. Говорили – одним соперником меньше! А еще мне показалось, что убийца…

Ведущая Катя Романенко хмурит темные бровки, отчего ее лоб рассекает тонкая морщинка:

– Дим, я тебя умоляю, давай будем работать, а не болтать. Я уже второй день в себя прийти не могу, руки трясутся. И вонь эта невыносимая – кажется, вся студия до сих пор пропитана гадким запахом. И вот в чем прикол – этого вонизма не было, когда мы шампанское пили.

У меня невольно вырывается:

– Не может быть! У фосфорорганических соединений очень резкий запах. Он сразу же появляется, стоит только открыть емкость с инсектицидом.

– Ну конечно, я вру, – ведущая бросает на меня неприязненный взгляд и поджимает накрашенные светло-розовой помадой губки. – Естественно, Романенко быть искренней не может, ничего не понимает, ни в чем не разбирается. И вообще, она – тупая овца, у нее же папочка – олигарх!

– Кать, да никто о твоем отце тут не говорит. Расслабься, не заостряйся! Ты ведь сама всегда заводишься!

Вместо ответа на дружескую ремарку оператора Катя лезет в сумочку, ловко достает из пузырька таблетку и бросает ее в рот.

– О, спасение отравляющих – дело рук самих отравляющих?! И это правильно: чего ждать, пока тебя на тот свет спровадят! Катерина, ты сегодня прекрасно выглядишь! – вбежавший в студию Максим Ерофеев со снайперской точностью чмокает воздух в миллиметре от загримированной Катиной щечки. – Бедная моя детка! Перепугалась, когда все тут случилось? Я понимаю, солнце. Но надо собраться, у нас работа. Давай, выше нос, пошли подводку записывать!

Макс улыбается Кате так искренне, что мне сразу же хочется ему простить и эту неудачную шутку, и все последующие. Но напарница Максима придерживается другого мнения, гневно сверкает огромными голубыми глазищами и бубнит, бубнит…

Наблюдаю за вяло переругивающимися телевизионщиками и думаю о том, насколько все-таки был прав мой сын.

Наш Дмитрий Леонидович работает журналистом в газете. Красив, засранец, весь в папочку; да и мама не подкачала, чего уж там скромничать. Его с такой броской внешностью еще на журфаке все пытались на телевидение заманить. Сын отказался, сказал, что отношения в телевизионном коллективе – это перманентный серпентарий. К тому же ему было скучно зависеть от всей этой громоздкой телевизионной инфраструктуры – режиссеров, телекамер, монтажных…

Из группы людей, приближающихся к столу, возле которого оператор Дима уже расставляет осветительные лампы, я сразу безошибочно выделяю мать погибшего парня.

Не знаю, сколько времени прошло после той трагической потери. Женщина одета в светлую одежду. Но вся ее фигура словно бы подернута траурным крепом.

– Наталия Александровна, вот материалы к сегодняшней записи!

Открываю протянутую Норой Фридман папку (на голове девчонки сегодня красуется бейсболка, так что цвет волос барышни остается по-прежнему неизвестен. А может, она вообще лысая?), пробегаю глазами ровные темные строчки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.